

КАТОРГА И ССЫЛКА

10

1933
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТКАТОРЖАН

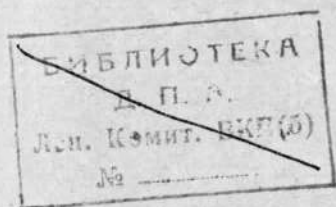
ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

КАТОРГА и ССЫЛКА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ВЕСТНИК

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И. А. ТЕОДОРОВИЧА

КНИГА 10 (107)

МОСКВА

1933

Дом Плеханова
318

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
С. Черномордик — К 50-летию Группы «Освобождение труда» . . .	5
✓ Неизданная листовка Г. В. Плеханова. Сообщила Е. Кушева	36
— Забытые заметки В. И. Засулич. Сообщила В. Невский	41
✓ П. Маслов — К 35-летию манифеста РСДРП. С предисловием С. И. Мицкевича	46
Г. Берлинер. Достоевский, как изобразитель дореформенной каторги.	48
Из литературного наследия Н. Г. Чернышевского. Сообщила В. Сушицкий.	85

Памяти умерших товарищей

И. Имас. Метек Редыко.	117
✓ Р. Кантор. С. Я. Елпатьевский.	118
И. И. Попов. Генрих Петрович Клинг	125
Л. Старр. Анна Павловна Гервасий	128
О. Меер. Памяти Н. М. Фельдмана	131

Библиография

✓ Маркова — Группа „Освобождение труда“ и ее издания.	133
Вл. Селиванов. Военные восстания в Балтике в 1905—06 гг.	139
М. Гинзбург. Поле жаев. Стихотворения.	143

Хроника

Научно-исследовательская работа ЦБНИИС	146
Письма в редакцию	148
Приложение: портреты Редыко, Елпатьевского, Клинга и Гервасий.	

С. Черномордик

К 50-летию Группы „Освобождение труда“

I

Возникновение «группы «Освобождение труда»

«Наши тогдашние революционные теоретики,— к числу которых принадлежал и пишущий эти строки,— металсь в безнадежных противоречиях. Этих противоречий нельзя было преодолеть, не сломав хребта самому бакунизму».

Плеханов — «Первые шаги социал-демократического движения в России».

«Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организацией русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы «Черного передела» образуют ныне новую Группу «Освобождение труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями».

Из обращения «Об издании библиотеки современного социализма» от 25 сентября 1883 г.

Социал-демократическое движение в России возникло на развалинах революционного движения 70-х и начала 80-х годов. К этому времени перед наиболее вдумчивыми представителями революционного движения обнаружилась полная теоретическая и практическая несостоятельность господствовавших в России революционных направлений. И «землевольтчество», сохранившее «в чистоте» знамя бакунизма, и «народовольчество», в основном оставшееся верным учению Бакунина, но пытавшееся его сочетать с русским бланкизмом — ткачевизмом, — зашли в тупик и разлагались под тяжестью внутренних противоречий.

В чем же выражались эти противоречия?

В том, что теория, на которой строили свою революционную практику революционеры 70-х годов, не соответствовала экономике русской действительности. Она отражала не действительные, не объективные процессы экономического развития, а воображаемые, субъективные. Она принимала «желаемое» за «сущее». Учение Бакунина, которое владело умами русской революционной интеллигенции 70-х годов, сильно отдавало духом славянофильства. Правда, Бакунин, не опустившись до реакционных славянофильских противопоставлений «гнилого Запада» «святой Руси», но, подобно славянофилам, он верил в «особые пути» развития России. Родоначальник международного анархизма, Бакунин был далек, разумеется, от славянофильской ограниченности. В своей книге «Государственность и анархия» он называет исторический материализм «одной из главных научных заслуг г. Маркса». Но это утверждение не помешало ему подойти с особой меркой к русскому историческому процессу.

На «Западе», допускал Бакунин и его ученики, поземельная община разрушена, капитализм пустил глубокие корни, процесс образования пролетариата зашел далеко, — стало быть, путь к анархическому обществу там идет через антикапиталистическое движение, которое тем самым является революционным. Не то в России. Поземельная община у нас существует и продолжает оставаться основой русской экономики, капитализма у нас пока нет, равно как и сопутствующего ему пролетариата, — стало быть, путь к коммунизму в России лежит через крестьянскую общину. Бакунин и его ученики не скрывают, — это было явно и для их времени, — что капитализм начинает пускать ростки и в России, что пролетаризирующееся крестьянство устремляется на фабрики и заводы, образуя кадры городского рабочего класса, что крестьянская община разрушается.

Но эти отрицательные, по мнению бакунистов, явления они приписывали силе государства, которое заинтересовано в внедрении капитализма и разрушении общины — этого зародыша коммунизма. Раз государство подавляет крестьянскую общину и тем препятствует развитию «коммунистических навыков», долженствующих привести крестьянство в мир коммунизма, бакунисты, естественно, ставили перед собою основную задачу — разрушить государство, — не самодержавное российское государство, а государство вообще. «Он (Бакунин — С. Ч.) исходил из коммунистических инстинктов, якобы присущих русскому народу и получивших будто бы свое выражение в великорусской сельской общине. Для того, чтобы эти коммунистические тенденции имели плодотворные последствия, необходимо

было только разрушить государство, которое являлось помехой на пути к дальнейшему развитию общины. Поэтому Бакунин объявил беспощадную войну государству, не делая при этом никакого различия между русским полицейским государством и «правовыми» государствами Запада. Более того: он был того мнения, что введение конституционного строя в России принесет только вред народу, так как конституционный строй расчищает путь для свободного развития капитализма и тем самым ослабит коммунистические стремления крестьянства.

«Революционеры должны разрушить государство. Чтобы подготовить народ к разрушению государства, революционеры должны были приступить к его воспитанию в этом направлении. Лучшим воспитательным средством в глазах Бакунина являлись беспрестанная агитация и организация местных бунтов. Но для того, чтобы вести такую агитацию, нужно было исходить не из принципов «чистого социализма», пропагандой которых занимались сторонники Лаврова, а из «ближайших нужд» и «непосредственных требований» народной массы.

«Эти взгляды Бакунина сделались учением народников-бунтарей, господствовавшим среди русских революционеров во второй половине 70-х годов прошлого столетия»¹.

Вооруженные этой бакунистской теорией, народники-бунтари во второй половине 70-х годов двинулись в деревню проводить ее в жизнь. К концу 70-х годов мы уже имеем итоги «практики» бакунистов. Каковы же эти итоги? Насколько эта «практика» подтвердила «теорию»?

К концу 70-х годов в рядах «бунтарей» наступило разочарование деревенской практикой. По выражению Г. В. Плеханова, «хождение в народ» потеряло в их (бунтарей — С. Ч.) глазах почти всю свою привлекательность». Сами революционеры того времени склонны были объяснять неудачи «хождения в народ» полицейскими преследованиями. Так, «Народная воля» осенью 1879 г. заявляла, что «при нынешних полицейских условиях работать в народе значит биться как рыба об лед». Подобное же объяснение дает и один из видных «землеольцев», автор известной брошюры «Общество «Земля и воля», Е. А. Серебряков. Однако более прав Г. В. Плеханов, который утверждает, что дело не в полицейских репрессиях, которым революционеры подвергались в гораздо большей степени в городе при соприкосновении с людьми «из общества», чем в деревне, где царское правительство

¹ Плеханов. Собр. соч., том XXIV, стр. 176. «Первые шаги с.-д. движения в России».

не сумело еще достаточно хорошо поставить полицейский сыск. «Деятельность в крестьянстве отнюдь не была невозможна; революционеры справились бы с полицейскими препятствиями, если бы их настроение продолжало толкать их в деревню. Но в том-то и дело, что во второй половине 70-х годов их настроение очень изменилось, и «хождение в народ» потеряло в их глазах почти всю свою привлекательность. Произошло это потому, что деятельность в народе не оправдала тех радужных, можно сказать почти ребяческих, надежд, какие возлагались на нее революционерами. Отправляясь в народ, революционеры воображали, что «социальную революцию» сделать очень легко и что она очень скоро совершится: иные надеялись, что года через два — три». (Плеханов, собр. соч., том XXIV, стр. 97).

Но почему же «работа в народе» потеряла в глазах революционеров свою привлекательность? Потому, что «коммунистические навыки» и «общинный дух» крестьянства, которые составляли краеугольный камень в бакунистской теории, оказались на деле мифом. Аппелируя к «коммунистическому инстинкту» общинного крестьянина, революционеры на деле наталкивались на индивидуалистическую психологию мелкого земельного собственника, которого душила оставшая община и который мечтал о зажиточной жизни крепкого хозяина. В уже цитированном предисловии к А. Ту-ну Плеханов свидетельствует: «Легче восстановить крестьянина против царя, чем убедить его в том, что не надо частной собственности», — говорил на одной из революционных сходок, осенью 1876 г., Боголюбов, который был очень опытным и умелым пропагандистом. Другой пропагандист на другой сходке рассказывал, как один крестьянин, убежденный им в необходимости поголовного народного восстания и отобрания земли у помещиков, воскликнул однажды с нескрываемым удовольствием: «Вот будет хорошо, как землю-то мы поделим! Тогда я принайму двух работничков, да как заживу-то!» Подобных рассказов можно было тогда услышать от всякого бывалого пропагандиста великое множество. Общий смысл их был тот, что идеалом русского крестьянина, подавленного гнетом податей и закрепощенного государству, является крестьянин, избавленный от этого гнета и освобожденный от этого закрепощения, но остающийся самостоятельным производителем и даже отчасти предпринимателем, — словом: мелкий буржуа земледелия.

Бакунисты хотели войти в одну дверь, а попали в другую. Считая крестьян «врожденными» социалистами и ведя среди них социалистическую пропаганду, бакунисты встречали у них сочувствие не социалистическим идеям, а тем насущным

потребностям, которые освободили бы их от закрепощения общине, ликвидировали бы земельную нужду за счет отобрания помещичьих земель и подняли бы его разоряющееся хозяйство. Короче, — крестьянство было глухо, — а в массе даже и враждебно, — к идеям социализма, но восприимчиво к идее уничтожения помещичьего землевладения, уничтожения полуфеодальных отношений, задерживавших развитие капиталистического, товарного хозяйства.

Это явление, которое было непонятно «бунтарям», находит совершенно ясное объяснение в действительных экономических отношениях России того времени. Россия 70-х годов уже вступила на путь капиталистического развития, и крестьянство страдало не столько от развития капитализма, сколько от остатков феодализма (а пресловутая община была составной частью феодальных отношений), задерживавших рост капиталистических отношений в деревне. Устранение этого тормоза капиталистического развития составляло насущную потребность крестьянства, стремившегося к освобождению своего хозяйства от феодальных пут.

Крестьянство лучше бунтарей понимало свои интересы. Его интересы, «как мелкого буржуа земледелия», лежали не на путях к социализму, а на путях к буржуазно-демократическому развитию. И поэтому, поскольку бакунисты мечтали о крестьянской революции, содержание последней могло быть не социалистическим, а буржуазно-демократическим. И если бы совершилось историческое чудо, и под влиянием агитации «бунтарей» произошло бы удачное крестьянское восстание, — бакунисты с удивлением увидели бы совсем не те результаты, к которым они стремились: крестьянская революция конфисковала бы помещичьи земли, ликвидировала бы остатки феодальных отношений, создала бы условия для укрепления крестьянского хозяйства, усилила бы в деревне процесс классового расслоения, — словом, расчистила бы путь к капиталистическому развитию.

В одном случае русская община могла бы послужить исходным пунктом развития социализма. В предисловии к русскому переводу «Коммунистического манифеста» (издания 1882 г.) Маркс об этой вероятности говорит: «Если изменение экономической системы в России совпадет с изменением экономической системы на Западе так, чтобы они пополнили друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом нового общественного развития». Об этом же говорит и Энгельс в письме к Н. Ф. Даниельсону от 21 февраля 1893 г.: «Несомненно, что земельная община и до некоторой степени артель заключали в себе некоторые зародыши, которые при известных условиях могли

бы развиться и спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического режима. Я вполне подписываюсь под письмом нашего автора по поводу статьи Жуковского. Но и по его (Маркса — С. Ч.) мнению и по моему, первое условие, требовавшееся для этого, заключалось в наличии некоторого толчка извне, — в изменении экономической системы европейского Запада, в уничтожении капиталистической системы в тех странах, где она получила свое начало» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 326).

Но этого «толчка извне» не произошло. Напротив, Маркс рассчитывал, что толчком пролетарской революции на Западе послужит революция в России, — поэтому, при отрицательном отношении к теоретическим воззрениям революционеров 70-х годов, которые он считал детскими, он придавал большое международное значение деятельности революционеров 70-х годов, а к народовольцам он питал горячие симпатии. Маркс надеялся, что даже русским «бланкистам», может, удастся своей террористической деятельностью вызвать крестьянскую революцию в России, — а это обозначало бы, по мнению Маркса, при тогдашней международной обстановке создать возможность для пролетарской революции в передовых капиталистических странах Запада. Однако более вероятной перспективой Маркс считает путь капиталистического развития России. В письме в редакцию «Отечественных записок» (конец 1877 г.) Маркс пишет: «Если Россия стремится стать нацией капиталистической, по образцу западно-европейских наций, — а в последние годы она не мало потрудились в этом направлении, — ей не удастся достигнуть этой цели, не превратив сначала доброй доли своих крестьян в пролетариев, а затем, очутившись однажды на лоне капиталистического строя, она неизбежно попадет под власть его неумолимых законов, как и все прочие грешные народы» (Письма, стр. 310).

Исторического чуда не произошло. Пролетариат в России еще находился в процессе образования и еще не оформился в сознавший свои интересы класс. Он еще не был подготовлен к своей исторической миссии — вести за собой крестьянство в его борьбе против феодализма, — это время наступило лишь через двадцать слишком лет, к первой революции. Революционной интеллигенции, вопреки «вере» «бунтарей», оказалось не по плечу, конечно, вызвать и возглавить крестьянскую революцию, которая, как это показал позднейший опыт русской и других революций, может сопровождать пролетарской революции, находясь под политическим и организационным руководством последней.

Однако, если крестьяне, которых бакунисты считали «врожденными коммунистами», оставались глухи к социалистической пропаганде «бунтарей», то последняя уже тогда имела некоторые успехи среди рабочих. «Наши «бунтари» возлагали свои надежды на крестьян, которых они считали прирожденными коммунистами. Пролетариат промышленных центров интересовал их лишь постольку, поскольку он мог помочь сохранить или восстановить связь с деревней. Те же элементы его, которые всецело утратили эту связь, представлялись им чисто отрицательным общественным явлением — печальным продуктом разрушения старых экономических «основ» народной жизни. Но деревенский «прирожденный коммунист» оставался глух ко всем революционным призывам, между тем как промышленный пролетариат уже тогда охотно к ним прислушивался. Так произошло то, что люди, считавшие своей исключительной задачей вести агитацию среди крестьянства, с удивлением увидели, что серьезные успехи они могут отметить только среди рабочих. Логика общественных отношений и здесь находилась в резком противоречии с логикой «бунтарской» доктрины» (Плеханов, том XXIV, стр. 177).

Но, оставаясь верными бакунизму, революционеры 70-х годов не могли найти выхода из этих противоречий, не могли вскрыть истинного значения этих противоречащих их учению фактов. «Этих противоречий нельзя было преодолеть, не сломив хребта самому бакунизму», — говорит Плеханов.

Но до того, как «сломать хребет самому бакунизму», была попытка внести в него некоторые «поправки». Этой попыткой было возникновение «Народной воли».

Исходя из того, что «работать в народе это все равно, что биться как рыба об лед», некоторая часть «землеольцев» пришла к мысли о необходимости сломить в первую очередь «царский деспотизм». Разделяя предрассудки бакунизма об общине и о социалистической природе крестьянства, эти землеольцы, образовавшие после Воронежского съезда партию «Народная воля», пробили основательную брешь в учении Бакунина признанием необходимости политической борьбы. Биограф А. И. Желябова — самого выдающегося представителя и руководителя «Народной воли» — Л. Тихомиров так описывает ход его мыслей. «Социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ. Это дело должно бы всецело лежать на тех людях, которые называют себя либералами. Но эти люди у нас совершенно бессильны и, по каким бы то ни было причинам, оказываются неспособными дать России

свободные учреждения и гарантии личных прав. А между тем эти учреждения настолько необходимы, что при их отсутствии никакая деятельность невозможна. Поэтому русская социально-революционная партия принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизм и дать России те политические формы, при которых возможна станет «идейная борьба». Ввиду этого мы должны остановиться, как на ближайшей цели, на чем-нибудь таком, достижение чего давало бы прочное основание политической свободе и стремление к чему могло бы объединить все элементы, сколько-нибудь способные к политической активности» («Андрей Иванович Желябов»).

Эта установка определяла с логической последовательностью и тактическую линию новой партии. Это, во-первых, отрыв, противопоставление политической борьбы социализму, механическое отодвигание борьбы за социализм на задний план. Сначала, дескать, борьба за свержение самодержавия, а потом, после победы над самодержавием, «идейная борьба», то-есть борьба за социализм. Что именно так себе представляли дело народовольцы, показывает заявление Желябова на Воронежском съезде, что «революционеры должны оставить теперь всякую мысль о классовой борьбе», а в ответ на возражения, что, следовательно, придется революционерам отказаться и от поддержки стачечного движения, Желябов заявил: «Стачечник ведет двойную борьбу: он ведет классовую борьбу с фабрикантами и политическую борьбу — с полицией, — и я буду поддерживать его именно потому, что он борется с последней». Этот отказ от классовой борьбы, т. е. от основы революционного социализма, диктовался необходимостью сплочения всех противников самодержавия. Этой ценой народовольцы хотели привлечь на сторону революции либеральную буржуазию.

Но от отделения (по представлению народовольцев — «временного») политической борьбы от социализма первая не переставала быть классовой. Отказ (хотя бы «временный») от социализма обозначал лишь отход от позиций пролетариата и беднейшего крестьянства на позиции буржуазии. Поскольку «русская революция представлялась ему (Желябову — С. Ч.) не исключительно в виде освобождения крестьянского или рабочего сословия, а в виде политического возрождения всего русского народа вообще» (из брошюры Л. Тихомирова «Андрей Иванович Желябов»), поскольку для осуществления этого народовольцы стремились к сплочению всех сил общества и отказывались от представительства интересов эксплуатируемых классов, — они становились по

содержанию своих идей буржуазными и революционерами. Этого факта не могли скрыть ни революционный радикализм «Народной воли», ни привычная бакунистская социалистическая фразеология. И недаром наиболее последовательный сторонник бакунистского утопического социализма — Г. В. Плеханов с протестом покинул Воронежский съезд, на котором будущие народовольцы впервые развивали свои новые идеи¹.

Следует, однако, отметить вполне справедливое мнение Ленина, что «не в том состояла ошибка народовольцев, что они постарались привлечь к своей организации всех (курсив Ленина) недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием». «В этом, — говорит Ленин, — состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества» (Ленин — «Что делать?», т. IV, стр. 464).

Героическая борьба «Народной воли», как известно, потерпела крушение. Разочаровавшись в «работе в народе», народовольцы возложили свои надежды на поддержку «общества», т. е. буржуазии. Но эти надежды оказались преувеличенными. Российская буржуазия оказалась политически дряблой и неподготовленной к свержению полufeодальной монархии. Даже в 90-х годах, когда капиталистическое развитие в России сделало заметные шаги вперед, Г. В. Плеханов должен был констатировать, что рабочий класс выступил на политическую арену раньше буржуазии. Таким образом, народовольцы были поставлены в необходимость совершить буржуазную революцию без «народа» и без буржуазии. Вся тяжесть борьбы легла на плечи немногочисленных революционеров-героев, которые решились произвести революционный переворот своими силами, — «без народа», но «для народа». Отсюда террористическая тактика народовольцев и идея «захвата власти».

«Народная воля» своей попыткой «обойти» историю не преодолела противоречий, в которых запуталось революционное движение 70-х и начала 80-х годов. Для их преодоления необходимо было полностью отказаться от бакунистских предрассудков и заняться изучением действительных политических и экономических отношений, упор-

¹ Разумеется, этими взглядами не исчерпывается история партии «Народной воли». Но в практической работе народовольцев, притом в самую героическую эпоху ее деятельности, эта установка была основной.

но прокладывавших путь в полуфеодальной России, и на базе этих новых отношений построить теорию и практику революционного социалистического движения.

Эту работу проделали не народовольцы, остановившиеся на полпути, а группа революционеров, во главе с Г. В. Плехановым, разошедшихся с народовольцами, оставшихся на Воронежском съезде верными догме Бакунина, и образовавших группу «Черный передел». Пересмотр старых позиций занял три года, и со ступеньки на ступеньку эта группа «чернопредельцев» поднялась на вершину научного социализма, «перебив окончательно хребет бакунизму». В результате этого «ревизионизма» возникла первая социал-демократическая организация в России — Группа «Освобождение труда».

Противники марксизма в России — и тогда и позднее — ехидно посмеивались, что русский марксизм, дескать, родился за границей и оттуда искусственно перенесен на русскую почву, — намекая этим на то, что Группа «Освобождение труда» возникла за границей и организована Г. В. Плехановым с товарищами в эмиграции. Однако эта легенда разбивается фактами истории возникновения Группы «Освобождение труда». Основатели Группы «Освобождение труда» не были случайными, новыми людьми в русском революционном движении, — это были активнейшие, имевшие долгий опыт революционной работы в России, «землеольцы», эмигрировавшие за границу, спасаясь от преследований царского правительства. За границей они получили возможность (этому, конечно, содействовало изучение западно-европейского рабочего движения и литературы научного социализма) критически проанализировать свой опыт революционной работы в России. «За границей, — говорит Плеханов, — только были подведены итоги тому, что было сделано и узнано нами в России. Во всем нашем проекте программы русских социал-демократов, написанном в 1883 и напечатанном в 1885 году, нет ни одной строчки, которая не имела бы в виду того или другого «проклятого вопроса» нашей революционной практики и которая не опиралась бы прежде всего на указания этой практики» (Плеханов, т. XXIV, стр. 92).

Но этот процесс пересмотра бакунистской идеологии, «бунтарской» практики и критического анализа народовольчества продолжался довольно долго. Бакунистская догма слишком крепко вьелась в русское революционное движение, и от нее не так легко и быстро можно было отделаться. Эволюция от «Черного передела» к Группе «Освобождение труда» — это путь медленного отхода от бакунизма к марксизму, от народничества к социал-демократии, — путь, со-

провождавшийся колебаниями, оговорками, но, в конечном счете, приведший к полному отказу от старых бакунистских позиций.

Г. В. Плеханов, бывший одним из самых блестящих теоретиков «землеольчества», выгодно отличался тем, что уже в землевольческую эпоху он себя считал сторонником учения Маркса и Энгельса. Он разделял взгляд Маркса, что «общество не может перескочить через естественные фазы» «своего развития, когда оно напало на след естественного закона этого развития» («Земля и воля», № 3, 15 января 1879 г. — «Закон экономического развития общества». Плеханов. Собр. соч., том. I, стр. 59). Но признавая это положение, Плеханов тут же спасает бакунистские позиции. «Значит, откуда общество не напало еще на след этого закона, обусловленная этим последним смена экономических фазисов для него необязательна» (там же). На Западе, признает Плеханов, капитализм возник и развивается, как выражение этого «естественного закона», после падения крестьянской общины. В России же дело обстоит не так. «Пока за помещельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше общество вступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимой станцией на пути его прогресса» (там же). Здесь Г. В. Плеханов стоит еще обеими ногами на почве бакунизма. Но вот, ровно через год, в № 1 «Черного передела» (15/1 1880 г.) Г. В. Плеханов пробивает первую брешь в традиционных воззрениях бакунизма. «Прежде всего нужно обратить свои усилия на разрушение ныне существующего в нашем отечестве государственного строя», — бросает он лозунг. И еще ярче он выражает эту мысль в № 2 «Черного передела» (2/IX 1880 г.). «Конечно, не нам, отрицающим всякое подчинение человека человеку, оплакивать падение деспотизма в России; не нам, которым борьба с существующим режимом стоила таких страшных усилий и стольких тяжелых потерь, желать его продолжения. Мы знаем цену политической свободы и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция ответит ей недостаточно широкое место. Мы приветствуем всякую борьбу за права человека, и чем энергичнее ведется эта борьба, тем более мы ей сочувствуем» (Плеханов. Собр. соч., т. I, стр. 125).

В вопросе о значении земельной общины в этом же номере «Ч. П.» Г. В. Плеханов начинает испытывать некоторые сомнения. У него уже явно отсутствует былое воинственное настроение. «И если грозе социального переворота, — пишет он, — суждено предупредить значительные изменения в общественном строе России — главный интерес

этого переворота сосредоточится на вопросе аграрном. Но, пока мы делаем свое дело, русская промышленность также не стоит на одном месте. Нужда отрывает крестьянина от земли и гонит его на фабрики, на заводы. Рядом с этим, центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам» (Плеханов, т. I, стр. 131). Это еще не марксизм, но это «отступление в порядке» от основных позиций бакунизма. Признание политической борьбы, развитие капитализма, количественного роста пролетариата, признание последнего революционной силой, как класса,— было смертельным ударом для бакунизма и шагом вперед по пути к марксизму. В письме в редакцию «Ч. П.» в № 3 (январь 1881 г.) Плеханов окончательно сжигает за собой бакунистские мосты, выражая социал-демократические мысли, правда, народническим еще языком. «Социализм есть теоретическое выражение с точки зрения интересов трудящихся масс антагонизма и борьбы классов в существующем обществе. Вытекающая из него практическая задача революционной деятельности заключается в организации рабочего сословия, в указании ему путей и способов его освобождения. Исполнение этой задачи невозможно помимо деятельности не только для народа, но и в среде его» (Плеханов, т. I, стр. 134).

По вопросу о политической борьбе Плеханов в том же письме высказывает мысли, не оставляющие сомнения в том, что он окончательно отошел от бакунизма. Достаточно сопоставить точку зрения «апостола разрушения» по этому вопросу с мыслями, развиваемыми Плехановым в этом письме. «Мы уже несколько раз,—пишет Бакунин,—высказывали глубокое отвращение к теории Лассаля и Маркса, рекомендуемой работникам, если не последний идеал, то, по крайней мере, как ближайшую главную цель—основание народного государства (курсив Бакунина), которое, по их объяснению, будет ничто иное, как «пролетариат, возведенный на степень господствующего сословия» (М. А. Бакунин, «Государственность и анархия». Избр. соч., т. I, стр. 293. Издание «Голос труда», 1919). С негодованием он отмечает, что «программа Маркса», сделавшись «программой социал-демократической партии», выставляет, как основное требование, «завоевание политических прав (всемирное право избирательства, свобода печати, свобода ассоциаций и публичных собраний), как необходимое предварительное (курсив Бакунина) условие экономического освобождения работников» (там же, стр. 304). А вот что пишет в письме в редакцию «Черного передела» его поколебавшийся ученик Плеханов. «Поэтому задача «Ч. П.» может счи-

таться оконченной лишь тогда, когда вся русская социалистическая партия признает главной целью своих усилий создание социально-революционной организации в народной среде, причем требование политической свободы войдет, как составная часть, в общую сумму ближайших требований, предъявляемых этой организацией правительству и высшим классам. Другую часть этих требований составят насущные экономические реформы, вроде изменения податной системы, введения правительственной инспекции на фабриках, сокращения рабочего дня, ограничение женского и детского труда и т. д.» (Плеханов, т. I, стр. 135—136).

Итак, уже в начале 1881 г. Плеханов и группа «Ч. П.» окончательно отошли от основных положений бакунизма и вплотную подошли к марксизму¹. В 1882 г. Плеханов делает дальнейший шаг. В предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» он уже выступает как определенный марксист и социал-демократ. С высот марксизма он делает первую вылазку на «два фронта» — народофильства и бакунизма. «Манифест» может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», и что «отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит, коستنненым образом, его поддерживать. С другой стороны, «Манифест» показывает, что успех борьбы каждого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрерывного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты» (Плеханов, т. I, стр. 151). Вместе с тем, он констатирует, что «русское социалистическое движение не ограничивается уже пределами того слоя, который принято называть учащеюся молодежью, мыслящим пролетариатом и т. п.», и что, «несмотря на все преследования правительства, тайные социалистические организации рабочих (курсив наш) не только не разрушаются, но принимают все более широкие размеры».

¹ Никак нельзя согласиться с попытками В. Ваганяна доказать, что «Плеханов зимой 1881 г. был, несомненно, марксист» (см. его статью «Плеханов и Группа «Освобождение труда» в журнале «Под знаменем марксизма» № 8—9, за 1923 г.).

Необходимо, однако, отметить, что в это время Плеханов не дает еще развернутой системы марксизма в его применении к русским экономическим условиям. Он осторожно обходит вопрос о судьбе русской общины и капиталистическом развитии России и ограничивается заявлением, что «рациональное отношение наших социалистов к особенностям русского экономического строя возможно лишь при правильном понимании западно-европейского общественного развития». Какие это «особенности русского экономического строя»,—этот вопрос Плеханов оставляет открытым, возможно, потому, что в это время «чернопередельцы», ведшие с народолюбцами переговоры, не теряли надежды объединиться с ними на марксистской платформе. Систематическое изложение марксистских воззрений в их применении к России Плеханов дает позднее, в первых программных работах Группы «Освобождение труда»—«Социализм и политическая борьба» и особенно в брошюре «Наши разногласия».

Таким образом, в марксизме и социал-демократии русское революционное движение нашло разрешение долго терзавших его противоречий. Марксизм и социал-демократия явились теоретическим и практическим ответом на основные вопросы революционного движения 70-х и начала 80-х гг., запутавшегося в безысходных, казалось, противоречиях. Имевший наиболее практическое значение вопрос об отношении политической борьбы к социализму, решавшийся и «бунтарями» и народолюбцами в смысле их противопоставления (хотя и в разных направлениях), получил блестящее разрешение в основном принципе марксизма: «всякая классовая борьба есть борьба политическая».

В русских условиях того времени это значило—отказ от теории «особых путей» экономического развития России, признание капиталистического пути развития и рабочего класса, как основной, движущей силы революции. В теоретическом отношении это значило—отказ от утопического социализма, идеализма и субъективизма, господствовавших в течение десятилетий в среде русских революционеров, и обоснование социалистического движения в России теорией исторического материализма, теорией Маркса и Энгельса. Задача, которую взяли на себя первые русские социал-демократы, была нелегкой при «упорной предубежденности огромного большинства тогдашних русских революционеров против всего того, что связано было с именем социал-демократии»¹.

¹ Плеханов. Первые шаги с.-д. движения в России, т. XXIV, стр. 174.

Но идеи марксизма, раз возникши, несмотря на все трудности и предубеждения, медленно, но упорно прокладывали путь в России, завоевывая одну позицию за другой, ибо эти идеи являлись отражением реальных общественных отношений, складывавшихся в России: капитализм, а вместе с ним и все растущее рабочее движение, становились неоспоримыми фактами русской экономики и общественной жизни.

Заслуга распространения и развития марксизма в России в 80-х годах и первой половине 90-х гг. всецело принадлежит первой русской соц.-дем. организации—Группе «Освобождение труда».

Чтобы покончить с вопросом о возникновении соц.-демократии в России и к нему в дальнейшем не возвращаться, необходимо остановиться на вопросе о том, какое наследство она получила и ассимилировала от предшествующей эпохи русского революционного движения. Этот вопрос, поднятый покойным Н. К. Михайловским, горячо дебатировался в литературе 90-х годов. В народническом журнале «Русское богатство» (1897 г.) Н. К. Михайловский бросил обвинение марксистам в том, что они «не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства». По цензурным условиям того времени под словом «наследство» и «прошлое» следовало понимать революционное движение 70-х годов. В свое время это заявление Михайловского получило достойную отповедь в статье В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» В. И. Ленин называет эти «ходячие фразы» об «отказе русских учеников¹ от наследства», о разрыве их с лучшими традициями лучшей передовой части русского общества, о перерыве ими демократической нити «плохой выдумкой». Ленин отдает должное революционному народничеству 70-х годов, называя «крупной исторической заслугой народничества» практическую постановку вопроса о революции в России. «Вполне естественно и понятно, что народничество, дав (какое ни на есть) решение этих вопросов, заняло тем самым (курсив Ленина) передовое место среди прогрессивных течений русской общественной мысли». В этом отношении, в части продолжения революционной борьбы, именно соц.-дем., а не эпигоны народничества—эти мастера «малых дел», сохранили преемственную связь с революционным народничеством 70-х годов. «Но решение этих вопросов народничеством оказалось

¹ Под словами «русские ученики» в легальной прессе того времени подразумевались соц.-демократы.

никуда негодным, основанным на отсталых теориях, давно уже выброшенных за борт Зап. Европой, основанным на романтической и мелкобуржуазной критике капитализма, на игнорировании крупнейших фактов русской истории и действительности. Покуда развитие капитализма в России и свойственных ему противоречий было еще очень слабо, эта примитивная критика капитализма могла держаться. Современному же развитию капитализма в России, современному состоянию наших знаний о русской экономической истории и действительности, современным требованиям, от социологической теории народничество безусловно не удовлетворяет» (Ленин, т. II, стр. 323).

С этими высказываниями Ленина согласуется и точка зрения Плеханова, основанная на непосредственном опыте. Говоря о «наследстве», Плеханов признает, что оно «было очень важно, — и даже совершенно незаменимо, — в смысле практического опыта (курсив Плеханова), частью приобретенного нами самими во время нашей народнической деятельности, частью завещанного нам социалистами первой половины того десятилетия»... «Но в теоретическом отношении семидесятые годы давали нам чрезвычайно мало, так как «наследство», завещанное нам ими, оставляло совершенно незаполненной ту пропасть, которая отделяла «русский социализм» бакунинского или лавровского оттенка от научного социализма Западной Европы и которую, однако, необходимо было заполнить для того, чтобы вывести нашу революционную мысль из тупого переуллка» (Плеханов, т. XXIV, стр. 91—92. «Предисловие к русскому изданию книги А. Туна»).

Путаницу в этот вопрос внес в свое время Ю. Невзоров (т. Ю. Стеклов). В своей брошюре «Отказываемся ли мы от наследства?» он пытается найти элементы марксизма в теориях предшественников. Это привело его к целому ряду ошибочных утверждений. Так, по Невзорову выходило, что лавризм был «первоначальным русским марксизмом», что «чернопередельцы» «определенно стояли на марксистской точке зрения». Но прав Плеханов, который говорит, что «отличие русского марксизма» от «русского социализма» всевозможных оттенков состоит в том убеждении, что Россия не может перескочить через капитализм, который уже сделался в ней господствующим способом производства». «Но,—продолжает Плеханов,—именно этого-то убеждения и не было у Лаврова до самого конца его литературной деятельности. А кроме того... по своим историческим взглядам Лавров был несравненно ближе к идеалистам, чем к материалистам, между тем как марксизм

необходимо предполагает материалистическое объяснение истории. Правда, в сочинениях Лаврова иногда можно встретить решительное признание исторического материализма, но это признание находится в вопиющем противоречии с его историческими идеями, и самая возможность его объясняется просто-напросто тем, что в своем взгляде на историю, как и во всех прочих своих взглядах, Лавров был эклектиком до конца ногтей» (Плеханов, т. XXIV, стр. 87).

Так же неверно утверждение Ю. Невзорова, что «чернопередельцы» «определенно стояли на марксистской точке зрения». Выше мы достаточно убедительно доказали, что «чернопередельцы» были еще далеки от того, чтобы «стоять на определенной марксистской точке зрения», но они несомненно приближались к марксизму. Но это приближение к марксизму достигалось постольку, поскольку они разрывали с бакунинской теорией, т. е. поскольку отказывались от старого теоретического наследства.

Правильно будет сказать, что русский марксизм возник из исторической необходимости правильно разрешить те практические революционные задачи, которые были поставлены революционным движением 70-х годов. Первые русские социал-демократы не только не отказались от этих задач, но именно только они одни и взяли на свои плечи разрешение этих задач. «Работать в народе и для народа»,—что ставили во главу угла своей революционной деятельности землевольцы,—и политическая борьба с целью свергнуть самодержавие,—что составляло основное содержание деятельности «народовольцев»,—эти задачи, по существу правильно поставленные, но неправильно решавшиеся предшественниками, получали теоретическое и практическое разрешение в новой для России теории и революционной практике—в марксизме и социал-демократическом движении, начало которым было положено в 1883 г. Группой «Освобождение труда».

II

Группа «Освобождение труда». Ее заслуги. Ее основные ошибки.

Историческая концепция основоположников русского марксизма схематически представляется в следующем виде. Россия вступила на путь капиталистического развития, и чем дальше, тем больше этот процесс углубляется и тем шире он распространяется на различные участки народного хо-

зйства. «Азиатские» формы экономики (в том числе и община) разрушаются, и в экономическом отношении Россия становится в ряд старых капиталистических западно-европейских стран. Россия отличается от «Запада» только отсталостью своего капиталистического развития, которое, однако, протекает более быстрыми темпами, чем ранние эпохи капитализма передовых западных стран. Вместе с тем в России складываются и свойственные западно-европейскому капитализму классовые отношения. На историческую авансцену выступают два основных класса капиталистического общества — буржуазия и пролетариат, интересы которых противоположны. Русский пролетариат, также как и пролетариат капиталистических стран Запада, в силу исторической необходимости толкается на борьбу с буржуазией за политическое господство с целью низвержения капиталистического строя и построения бесклассового социалистического общества. Но эта задача отдаленная. Ближайшая задача русского пролетариата — вместе с буржуазией вести политическую борьбу за свержение «азиатского» самодержавия, с тем, чтобы Россию окончательно европеизировать, т. е. завоевать политическую свободу, отсутствие которой тормозит экономическую борьбу пролетариата и борьбу его за конечные цели. Буржуазия, также как и пролетариат, заинтересована в ликвидации самодержавия, так как последнее является тормозом развития капитализма. Следовательно, ближайшие цели пролетариата и буржуазии совпадают — превратить Россию в конституционную страну западно-европейского типа.

Взятая в целом, эта концепция теоретически выражала реальные производственные классовые отношения, складывавшиеся в России с 60-х годов. В начале 80-х годов процесс капиталистического развития России зашел так далеко, что для наиболее дальновидных и вдумчивых представителей революционного движения, какими были наши первые марксисты, не могло оставаться сомнений, что старые феодальные экономические отношения безвозвратно разрушаются под напором новой экономической системы. Бьющие в глаза факты капиталистического пути развития промышленности и сельского хозяйства и развивавшееся рабочее движение, как продукт новых капиталистических отношений, полностью подтверждали правильность теории первых русских марксистов, и надо было сознательно закрывать на эти явления глаза, чтобы их не видеть, и быть слепыми приверженцами старых бакунистских взглядов, чтобы их не понимать. Но первые русские марксисты не были бы революционерами, если бы они ограничились

только констатированием факта капитализма в России. Ибо марксизм тем и отличается от всех предшествовавших философских систем, что он не только «познает мир», но и стремится его «изменить». Установив неизбежность капиталистического развития в России и прогрессивность капитализма в сравнении с феодальными экономическими отношениями, господствовавшими до него в России, первые русские социал-демократы отыскивали в недрах нового экономического строя ту зреющую революционную силу, исторической задачей которой является уничтожение капиталистической системы, т. е. экономической системы, построенной на эксплуатации труда и классовом господстве буржуазии. Эта революционная сила — рабочий класс. Историческая заслуга Группы «Освобождение труда» и состоит в том, что разбитое в героических боях революционное движение 70-х и начала 80-х годов она перестроила на научной основе марксизма и нашла основную движущую силу революционного движения в пролетариате. Тем самым социал-демократия в России уже при самом своем возникновении выступила как «сознательный выразитель» (выражение Плеханова) рабочего движения в России и положила начало тому впоследствии мощному социал-демократическому движению, которое уже в эпоху ленинизма стало революционным авангардом рабочего класса.

«Социал-демократия, — говорит Ленин, — есть соединение рабочего движения с социализмом». Заслугой Группы «Освобождение труда» следует признать то, что в борьбе с народническими теориями она пыталась соединить «рабочее движение с социализмом» и тем положила основание социал-демократии в России. В этом отношении первые программные работы Группы «Освобождение труда» — «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», принадлежащие перу Плеханова, являются историческим памятником начальной эпохи русского революционного марксизма. Разумеется, через полвека, прошедшее со времени их появления, при критическом к ним подходе с точки зрения ленинизма можно найти в них ни мало ошибочных суждений, — от некоторых из них Группа «О. Т.» в дальнейшем отказалась, а некоторые, как мы это увидим ниже, продолжали тяготеть над основателями социал-демократии в России до конца их деятельности, — но это не мешает им оставаться документом первостепенной исторической ценности. Историческое значение этих первых трудов Группы «О. Т.» определяется тем, что они нанесли сокрушительный удар народническому утопическому социализму и как про-

жктором осветили путь социалистического движения в России учением научного социализма — учением Маркса и Энгельса.

В этом неотъемлемая заслуга основоположников русского революционного марксизма.

Позднее Плеханов, продолжая свои споры с народниками, дает оценку своей работе «Наши разногласия». «Социалисты-утописты в России, как и во всем свете, думали, что от них зависит заставить историю идти в ту или другую сторону. По вопросу об общине русские социалисты-утописты рассуждали так: община — хорошее дело, — ее надо поддерживать, — следовательно, мы ее поддержим. Могли быть и другие утописты, которые сказали бы: община тормозит наше общественное развитие; ее надо устранить, — следовательно, мы устроим общину. Социал-демократы раз навсегда распростились с утопиями; они сказали себе и другим: ход общественного развития опрееляется не симпатиями той или другой группы людей к тому или другому общественному учреждению, а соотношением общественных сил, от которого в последнем счете зависит самая прочность вышеуказанных симпатий. Не от нас зависит изменить ход экономической истории России. Но мы можем понять его и, сильные своим пониманием, явиться сознательными революционными деятелями. Народники плачут о том, что община разлагается. Они не видят того, что разложение общины создает новую общественную революционную силу, которая приведет нас и к политической свободе и к социализму. Сила эта — пролетариат, с которым мы должны прежде всего сблизиться. Вот и все. И все это было сказано в «Наших разногласиях» (Плеханов, том III, стр. 419).

Появление первых работ Группы «О. Т.» произвело в революционной среде впечатление разорвавшейся бомбы. Общеизвестно, какой переполох они произвели в рядах остатков руководителей «Народной воли» и какое сопротивление Группа «О. Т.» встретила со стороны ставшего вскоре ренегатом Льва Тихомирова. Пользовавшийся громадным авторитетом, «сам» П. Л. Лавров отнесся отрицательно к смелым попыткам новаторов создать социал-демократическую организацию. «Мы, маленькая группа в 4—5 человек, — вспоминает Л. Г. Дейч, — вздумали свернуть в новое русло русское революционное движение, имевшее за собою тогда уже довольно продолжительное прошлое, прочно установившиеся взгляды, приемы, традиции. Чуть ли не гомерическим хохотом раздражались при этом некоторые «почтенные» эмигранты, слыша про наши намерения. «Переводны-

ми брошюрками и компиляциями немецких произведений «освободители труда» задумали осчастливить Россию, — все в ней на новый социал-демократический путь перевести», — смеялся, помню, один ныне здравствующий видный эмигрант-народник. — «Вы не революционеры, а студенты социологии!» — укоризненно восклицал самый авторитетный тогда старожил, друг Бакунина, Н. И. Жуковский. И мы не могли не признавать, что для этого насмешливого, отрицательного отношения к нашим стремлениям имеется не мало оснований, почему... сам Георгий Валентинович сравнивал нередко наши намерения со сборами крыловской синицы море жечь» (сборник «Группа «Освобождение труда», том I, стр. 11). В письме П. Л. Лаврову от 6/VIII 1883 г. Л. Тихомиров утешает его, что «по всей загранице» нет человека, «хорошо к ним относящегося», а «что касается России, то в настоящий момент они там тоже ничего не имеют» (речь идет об основателях Группы «Освобождение труда»). Действительно, симпатии «революционной молодежи» были еще на стороне старой «Народной воли». У новой организации не было средств, не было атмосферы сочувствия. «Временами, в особенности на первых порах, у нас у всех являлись опасения, удастся ли нам не только осуществить все наши задачи, но продержимся ли мы хотя бы сколько-нибудь продолжительное время, не осрамимся ли окончательно на радость нашим недоброжелателям с народовольцами и бывшим нашим союзником, П. Л. Лавровым во главе... Тем не менее, мы не осрамылись и Группа «Освобождение труда» продолжалось не один год, а два десятка лет» (там же, стр. 13).

Однако влияние новых идей было непобедимо. Ход общественного развития был на их стороне. В письме к П. Б. Аксельроду от марта 1889 г. Плеханов, сообщая о появлении в Женеве группы «молодых народовольцев», пишет, что о «Народной воле» в программе нет ни слова и что в затеваемом ими органе они приглашают работать Плеханова, Аксельрода и Засулич. «Не забудьте, что из всех других заграничных писателей будет приглашен только Лавров». «Как бы то ни было, мы можем сказать, что мы победили» (подчеркнуто Плехановым)¹.

Такую же картину рисует в письме к П. Л. Лаврову и близкая к «молодым народовольцам» С. М. Гинзбург, вернувшаяся за границу из поездки по России в 1887 г.: «Изданиями Группы «Освобождение труда» Россия наводнена; «Наши разногласия», «Социализм и политическая борьба»

¹ Переписка Плеханова и Аксельрода. стр. 59.

имеют свое влияние, и влияние сильное, с которым нам придется считаться. Отрицание политической борьбы — борьбы, как мы ее понимаем, и обоснование своих положений якобы историей Европы — по-моему — серьезное препятствие в нашей работе. Значение личности, значение интеллигенции в революции совершенно уничтожается ими, и я лично видела людей, разбитых его (Плеханова — С. Ч.) теориями. И главное — его тон смелый, как бы уверенный в своей правоте, его уничтожение всего прежде существующего, низвержение деятельности предшественников к нулю — все это положительно влияет».

Рост влияния социал-демократических идей обусловливался, конечно, не личными качествами Плеханова, а представлял выражение процесса нарастания новых общественных отношений. Так же, как бесплодны были попытки противодествовать развитию новых общественных отношений, возникших на основе капитализма, в такой же мере были утопичны попытки задержать распространение социал-демократических идей. После знаменитой стачки на фабрике Морозова в Орехове (1885 г.) не могло оставаться сомнений, что русская социал-демократия стоит на верном пути. И не случайно, что почти в одно время с Группой «О. Т.» и совершенно от нее независимо, возникла в России — в Петербурге — «Партия русских социал-демократов» («Группа Благоева»). Возросшее рабочее движение не могло удовлетворяться старым народническим хламом и пред'являло требование на теоретическое и программное обоснование классовых интересов и классовой борьбы пролетариата. Рабочее движение, выходящее из пеленок, не могло удовлетворяться руководством революционеров народнического толка, — оно требовало нового классового знамени, новых пролетарских революционных руководителей, вооруженных классовой идеологией. Трудно приходилось основоположникам русской социал-демократии преодолевать укоренившиеся предрассудки, трудно было пробивать путь новым идеям марксизма, не мало приходилось переживать огорчений и неудач, — не раз они, оторванные от России эмигранты, окруженные противниками, впадали в уныние, но, упорные в своей борьбе, они одержали победу. В брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», вышедшей в 1892 г., Плеханов мог сказать: «Да, товарищи, наблюдая ход русского общественного развития, мы должны признать, что крот хорошо роет. Мы видим, что развитие капитализма принесло с собой не только окончательное разорение крестьянского хозяйства и не только истощение русской почвы. Оно подорвало основы

самодержавия и вызвало к жизни те общественные классы, которым суждено быть его могильщиками. Один из этих новых на Руси общественных классов, и наиболее революционный из них — пролетариат, — уже теперь, в лице своих лучших представителей, хорошо сознает свои политические задачи» (Плеханов, том III, стр. 384).

Победу Группы «О. Т.» решили не дискуссии в эмигрантской среде, а настроения в революционных кругах в России. Посланный Группой «О. Т.» зимою 1883 г. для связи в Россию Финстер (Гринфест) сообщил о громадном интересе, проявленном «отдельными лицами» и «небольшими кружками» к литературе Группы «О. Т.». «Некоторые из его новых знакомых, — пишет об этом Л. Г. Дейч, — заинтересовались нашей группой и, видимо, готовы были поддержать ее. Финстер сетовал на то, что у него не было достаточно количества наших первых произведений, чтобы раздавать хотя бы по одному экземпляру на каждый из посещенных им городов. Он сообщал, что вообще замечается увеличение интереса к загранице и, в частности, к издаваемым нами произведениям, т. к. многие все более и более разочаровываются в народолюбстве. Нашлись поэтому не только отдельные лица, но и небольшие кружки, соглашавшиеся взять на себя оплату довольно значительных расходов, связанных с изданиями, а в особенности с дорогой контрабандой переправкой наших произведений: его снабдили средствами для организации пути, и ему это удалось осуществить» («Группа «О. Т.», том I, стр. 41).

Путь успехам социал-демократии в России был открыт. Почва оказалась подготовленной. В письме к П. Б. Аксельроду от 21/1 1884 г. Л. Г. Дейч сообщает об информации, которую привез из России Янович: «Заметно внутреннее оживление среди молодежи: она снова хочет взяться за деятельность, критически относится лишь к старым способам, желает чего-нибудь определенного, ясного. Поэтому, — говорит он, — появившись человек с определенной программой и опытный, то мог бы вести многих за собой... К политической борьбе все относятся вполне сочувственно; поэтому, думает он, с этой стороны наша программа не встретит препятствия, но он не обещает нам успеха, раз мы на месте там не будем иметь людей, которые могли бы указывать практические пути действий» (там же, стр. 195).

С большими трудностями Группа «О. Т.» завязала связи с Россией и глубоко пустила корни нового социал-демократического движения.

Первые русские социал-демократы, как мы видели, давшие в общем правильный анализ тенденций политическо-

го и экономического развития и классовых взаимоотношений в России, под давлением настроений революционной интеллигенции, которая в первой половине 80-х годов все еще продолжала поставлять основные кадры революционного движения, перенесли в марксистскую теорию ряд народнических предрассудков. Таковы, например, признания как в первом (1884 г.), так и втором (1887 г.) проектах программы Группы «О. Т.» индивидуального террора. Из переписки Плеханова с Аксельродом мы знаем, что основатели Группы «О. Т.» мало верили в это «спасительное средство». Да это и не вязалось с теоретическими принципами марксизма, которые они развивали в своих первых трудах. Признание террора было данью настроением революционной интеллигенции с целью привлечь ее на сторону новых идей. Этот ранний оппортунизм питался и упорным желанием объединиться с народолюбцами (см. «Переписку» Плеханова и Аксельрода, стр. 59; письма Дейча к Аксельроду—в сборнике «Группа «О. Т.», том I). В основе этого оппортунизма лежало неверие в силу русского рабочего класса, в возможность скорого наступления того времени, когда классовая борьба русского пролетариата приведет его к политическому освобождению. Теория явно расходилась с практикой.

С другой стороны, увлекаемые похвальным желанием закончить с долго тяготевшими над революционным движением в России народническими теориями, первые теоретики русской социал-демократии проглядели действительные особенности русского экономического развития и в русском марксизме усмотрели некую разнovidность западничества, противопоставленного славянофильскому народничеству. Этот взгляд на марксизм, как на особый вид западничества, проходит красной нитью в социал-демократических трудах Плеханова. Мы можем привести ряд его высказываний. «Русский рабочий класс—это тот класс, которому суждена наиболее европейская роль (курсив Плеханова) в русской политической жизни, поэтому и партия, представляющая его интересы, необходимо будет и наиболее западной» (курсив Плеханова) из всех русских партий» («Социал-демократ». Книга 1-я, февраль 1890. Собр. соч., том III, стр. 238). «Экономическая европеизация России необходимо поведет за собою и ее политическую европеизацию, т. е. изменение ее конституции в духе новейших европейских конституций» («С.-д.». Книга 2-я, август 1890 г. Собр. соч., том III, стр. 240). «Но ведь ясно как день, что и без пролетариата не обойдется дело нашей политической европеизации» (там

же, стр. 259). «Когда она откажется от своих нелепых «самобытных» теорий, тех теорий, в которых

Русский ум и русский дух
Зады твердит и лжет за двух,—

когда она сумеет взглянуть на русские общественные отношения с надлежащей, европейской точки зрения, она увидит, что положение ее вовсе не безнадежно и найдет широкое поприще для самой плодотворной общественной деятельности. До тех же пор, пока она останется при своих азиатских понятиях, ей нечего и думать о перенесении в свою страну западно-европейских политических учреждений» (там же, стр. 266). Эту излюбленную мысль Плеханов повторяет и в своих статьях «Русский рабочий в революционном движении», напечатанных в «Социал-демократе». «Русский рабочий не может не быть западником, как русский интеллигент не мог не быть, по крайней мере, до известной степени и до поры до времени самобытником» (там же, стр. 209).

Эти воззрения на западнический характер русского марксизма и социал-демократии составляют ту его особенность, которая наложила отпечаток на весь последующий ход развития Группы «О. Т.».

Литературная деятельность Группы «О. Т.» начинается с разработки тех вопросов, которые остались нерешенными предшествовавшей эпохой революционного движения.

В первых трудах Группы «О. Т.» Плеханов, стремясь внести ясность в путаницу понятий, господствовавшую в революционной среде, заострил внимание на вопросе о политической борьбе. Этот вопрос он осветил одним из основных положений «Коммунистического манифеста»—«всякая классовая борьба есть борьба политическая». Плеханов, в согласии с Марксом, признает, что классовая борьба пролетариата в конечном счете приведет его к политическому господству, к диктатуре, что экономическая борьба пролетариата неотделима от его политической борьбы, ибо это две формы единой классовой борьбы. Но при первых же попытках применить эти принципы марксизма к практике революционной борьбы в России в позиции Плеханова обнаруживается целый ряд оппортунистических отклонений. Политическая борьба пролетариата у него раздробляется на ряд «фазисов», из которых первый, ближайший—это борьба «за политические права», «за конституцию». Для того, чтобы пролетариат получил возможность вести борьбу с буржуазией за политическое господство, он должен сначала все

свои силы бросить на борьбу за политические права, т. е. добиться такого же положения, как и пролетариат Зап. Европы. Такое механическое отделение политической борьбы русского пролетариата от его социалистической борьбы вело к принижению революционных задач рабочего класса, низведению революции в России к борьбе за политические права, рабочего движения — к одному из отрядов конституционного движения. Этим Плеханов делал шаг назад и по сути дела возвращался на позиции народо-вольчества, с которым неслучайно Группа «О. Т.» в течение многих лет добивалась объединения. «Сначала борьба за политические права (курсив Плеханова), как за необходимое условие дальнейшего развития рабочего класса, потом борьба за политическое господство (курсив Плеханова), как за необходимое условие его экономического освобождения» — такова формула Плеханова («Политические задачи русских социалистов», том III, стр. 91). И эти «сначала» и «потом» настолько резко отделены друг от друга, что Плеханов готов до решения этой ближайшей задачи отказаться от самостоятельных классовых задач пролетариата. «Если торжество политической свободы будет полезно для нашего дела, то ясно, что надо добиваться политической свободы и отложить решение всех прочих спорных вопросов до того счастливого времени, когда судьба России будет вырвана из рук коронованного урядника, и мы получим возможность, не боясь «законного» возмездия, спорить при полном свете дня, думать то, что хотим, и говорить то, что думаем. Согласие родит силу, а мы как бы нарочно стараемся плодить разногласия, и притом плодить их по таким вопросам, которые не имеют теперь практического значения» (том III, стр. 386—387).

Но почему Плеханов так настойчиво призывает не «плодить разногласий»? Для объединения всех сил, стремящихся к политической свободе. В этом отношении весьма показательны рассуждения Плеханова в его статье «Как добиваться конституции» (разговор конституционалиста с социал-демократом). «Вообразим себе, — говорит социал-демократ, — что петербургское «общество», проникшись революционным духом, строит баррикады, между тем как рабочий класс остается в стороне от этого движения. Одной полиции, одних дворников было бы достаточно для того, чтобы перевязать представителей «общества» и разсадить их по участкам. Отсюда неизбежно следует такой вывод: для того, чтобы добиться конституции, мы должны вовлечь рабочий класс в борьбу против абсолютизма, возбудить в

нем симпатии к свободным политическим учреждениям. Другого пути у нас нет и быть не может... но, с другой стороны, изо всего сказанного ясно, что, приглашая социалистов оставить на время всякую мысль о пропаганде в рабочей среде, наши либералы обнаруживают полное непонимание своих собственных интересов. Политическая свобода будет завоевана рабочим классом, или ее совсем не будет» (том III, стр. 16).

Какой же отсюда вывод?

Вывод тот, что Плеханов отказывается от самостоятельных классовых задач пролетариата и тем самым отдает рабочий класс и его революционную силу на службу конституционному движению. «Политическая свобода будет завоевана рабочим классом» не в борьбе с буржуазией, а при поддержке последней путем «возбуждения» в нем «симпатий к свободным политическим учреждениям». Утверждая, что предложением «социалистов оставить на время всякую мысль о пропаганде в рабочей среде, наши либералы обнаруживают полное непонимание своих собственных интересов», Плеханов сам обнаруживает неясное представление о расстановке классовых сил в России и, в частности, о политических тенденциях русской буржуазии. Последняя, несмотря на свою политическую отсталость, уже на заре своей юности понимала, что пролетариат, «распропагандированный» социал-демократией, острие своего оружия направит не только против самодержавия, но и против самой буржуазии. Последующий ход русской революции доказал, что классовый инстинкт не обманул буржуазию: как известно, рабочий класс сверг самодержавие в борьбе и против буржуазии.

Вообще уже в раннюю эпоху Группы «О. Т.» Плеханов, а вслед за ним Аксельрод и Вера Засулич, обнаруживают соглашательские тенденции по отношению к либеральной буржуазии. В письме к Аксельроду (начала 1888) Плеханов пишет: «Вера (Засулич — С. Ч.) просит переслать Вам ту часть письма, где она говорит о конституции. Исполняю ее желание: с соображениями ее я вполне согласен». В архиве П. Б. Аксельрода это письмо не сохранилось, но, по его воспоминаниям, В. И. Засулич писала, что социал-демократы должны проявлять больше готовности идти навстречу возможному конституционному движению. Вот с этой установкой «вполне согласен» Плеханов (см. «Переписку» Плеханова и Аксельрода, том I, стр. 34—36). В черновом наброске передовой статьи для сборника «Социал-Демократ» Плеханов еще более выпукло выражает эти мысли. «В падении абсолютизма одинаково (курсив наш) за-

интересованы люди самых различных политических направлений: от умеренного либерала до социалиста в западно-европейском смысле этого слова. Конечно, на этом основании смешно было бы говорить о полной солидарности этих партий». «В будущем, — говорит Плеханов, — этим партиям предстоит взаимная борьба, но это будущее наступит после завоевания политической свободы». А пока что Плеханов предлагает «забыть другие цели» и «иметь в виду только политическую свободу» (см. «Переписку», стр. 40—41).

Таким образом, начавши с борьбы с народничеством и народофильством во имя соединения социализма и политической борьбы на теоретической базе марксизма, Плеханов на практике к концу 80-х годов опять их разединил и тем скатился к народофильству. Завоевание политической свободы — это не один из этапов классовой борьбы пролетариата, как об этом неоднократно говорит Плеханов в своих теоретических работах, — а некое предварительное действие, стоящее вне классовой борьбы, создающее лишь благоприятные условия для последней. Ошибки Плеханова состояли в том, во-первых, что, как только речь заходит о политической борьбе пролетариата, он представляет ее не в виде единого процесса классовой борьбы, конечным пунктом которой является завоевание политической власти, а завоевание политической свободы (устранение самодержавия) является не одним из этапов к этой конечной цели, — а в виде двух, друг от друга механически оторванных процессов: политического и экономического освобождения... «Перед русским рабочим классом, — говорит он, — стоят две задачи: одна — экономическая, другая — политическая» (II, 366). Вторая, не менее серьезная, ошибка Плеханова состояла в том его неправильном представлении, что пролетариат будто бы может обрести политическое сознание не в процессе борьбы со своими классовыми противниками, а вне ее — путем «возбуждения симпатий к свободным политическим учреждениям». И та и другая ошибка влекли за собой не развитие классового сознания пролетариата, — что Плеханов и Группа «О. Т.» справедливо считали основной задачей социал-демократической партии, — а притупление его, подчинение рабочего движения целям и стремлениям буржуазной политики, принижение только что пришедшего в движение рабочего класса до уровня народной массы, которая своей массовой энергией обрекалась возбуждать и поддерживать либеральное конституционное движение.

Эти оппортунистические ошибки раннего русского марксизма имели бы хоть какое-либо оправдание, если бы ценно их облегчена была возможность завоевания «политических прав», т. е. свержение самодержавия. Группа «О. Т.», несомненно, так и представляла дело. Она ставила ставку на революционность русской буржуазии. «В тех странах, где буржуазный строй достиг уже полного своего развития, прогрессивные движения могут иметь место только среди рабочего класса. Буржуазия играет там исключительно консервативную, если не реакционную роль. Но не то мы видим в отсталых странах, где буржуазные порядки еще не сделались господствующими. Там сама буржуазия играет революционную роль по отношению к старым, отжившим общественным порядкам» (III, 91—92). И дальше он проводит параллель с ролью немецкой буржуазии в революции 1848 г. в Германии. В похвальном стремлении «добиться конституции» Плеханов не заметил всей глубины своих же мыслей: «Да, Россия не Запад! Да, русская жизнь имеет свои неоспоримые особенности! Но в чем заключаются они, эти особенности?.. Политическое сознание в русском рабочем классе пробудилось раньше, чем в русской буржуазии» (подчеркнуто Плехановым. Том III, стр. 208). Из этой глубоко подмеченной особенности Плеханов, однако, не сделал тех революционных выводов, которые сделали впоследствии Ленин и большевики. Именно вследствие этой «особенности» русская буржуазия не в состоянии была играть ту революционную роль, которую сыграла накануне буржуазной революции немецкая буржуазия. И именно по этой причине задача русских социал-демократов состояла в углублении и классовой борьбы пролетариата, в поднятии его классового сознания, в выявлении его классовых врагов (не в теории, а на практике), а не в призыве «забыть все другие цели» во имя призрачного единства всех сил, «добивающихся конституции».

В своем увлечении «западничеством» и в борьбе «с славянофильствующим» народничеством Плеханов проглядел другую основную «особенность русской жизни». Мы имеем в виду взгляды Плеханова и Группы «О. Т.» на роль многомиллионного крестьянства в русской революции.

В этом вопросе Плеханов обнаружил немало шатаний. Конечно, здесь сказались все прошлое русского революционного движения, из которого вышли основатели Группы «Освобождение труда», а это прошлое, как мы знаем, связано с крестьянством, которое принесло немало «разочарований» революционерам 70-х годов. Крайне востор-

женное увлечение «социалистической душой» крестьянства сменилось столь же крайним отрицанием какого бы то ни было его революционного значения. Говоря о революционной роли пролетариата и рабочей партии, Плеханов уже в одной из своих первых марксистских работ — в «Наших разногласиях» — говорит: «Но мелкие поземельные собственники окажут сильное сопротивление социалистическим тенденциям рабочей партии, — возразят самобытники. Всего вернее, что — да; но зато будет кому и бороться с этим сопротивлением. Появлению класса мелких собственников соответствует возрастание численности и силы революционного пролетариата, который придаст, наконец, жизнь и движение нашей тяжеловесной государственной машине. Сопротивление не страшно там, где есть способная победить его историческая сила... Кроме того, нужно иметь в виду, что та же самая рабочая партия будет служить у нас проводником для западных влияний. Рабочий не останется глух к движению европейского пролетариата, как это легко могло бы случиться с крестьянином. Соединение же силы внутреннего и международного движения будут более чем достаточны для победы над реакционными стремлениями мелких собственников» (том II, 348—349)¹.

Таким образом, крестьянство в целом не только исключается Плехановым из рядов возможных союзников пролетариата, но ему предназначается обязательная роль его противника. При этом в рассуждениях Плеханова идет речь о позиции крестьянства даже не после победы пролетарской революции, а в процессе революционной борьбы пролетариата. В первой «пробе пера» русского марксизма его основатели еще не различали двух фаз революции в России — буржуазно-демократической и социалистической, и не поняли, что крестьянство в целом является естественным союзником пролетариата в буржуазно-демократической революции. Буржуазно-демократическая революция подменялась ими борьбой «за конституцию». Ведя борьбу — и совершенно правильно — против утопических народнических теорий о крестьянском социализме, они не поняли буржуазно-демократического содержания крестьянского движения. И можно было бы понять и не вспоминать этой ошибки молодости, если бы она позднее была ими исправлена. Но в дальнейшем развитии Группы «О. Т.» эта ошибка углублялась: крестьянство превратилось у основателей Группы «О. Т.» в сплошную «реакционную массу».

¹ Как видит читатель, «честь» «открытия» «идеи» «перманентной революции» принадлежит вовсе не г. Троцкому. Задолго до него в начале 80-х годов «зародыши» этой «идеи» находятся у Плеханова.

Крестьянство трактовалось ими, как социальная опора русского самодержавия («Русский царизм опирался в течении столетий на тупость русских крестьян» — Плеханов), как антипод пролетариату. «Пролетарий и «мужичок» это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка». На «мужичке» целые тысячелетия держались восточные деспотии» (том III, стр. 382—383). Исключивши крестьянство из строя революционных сил, Плеханов естественно приходит к выводу: «Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации» (III, 119. «Еще раз о принципах и тактике русских социалистов» — 1889 год). В этом корень плехановского «конституционализма» и соглашательских тенденций по отношению к либеральной буржуазии.

Нет надобности в эпоху ленинизма и после всемирно-исторического опыта русской революции полемизировать с отошедшими в вечность основателями русского марксизма. Пролетариат, руководимый своей революционной большевистской партией, в союзе с крестьянством против буржуазии совершил буржуазно-демократическую революцию и, долго не дожидаясь, — не останавливаясь на парламентаризме, — перевел ее в революцию социалистическую. Между «сначала» («ближайшие политические задачи») и «потом» («отдаленная цель») вовсе не легла длительная полоса «мирной» «классовой борьбы», — как это представляла себе Группа «О. Т.». Благодаря тому, что пролетариат, руководимый ленинской большевистской партией, смог в эпоху буржуазно-демократической революции привлечь на свою сторону крестьянство, последняя непосредственно переросла в социалистическую. Конституционализм русской либеральной буржуазии, на который возлагала так много надежд Группа «О. Т.», оказался мертворожденным. «Западничество» Плеханова, не учитывавшее особенностей капиталистического развития России и место последней в международной капиталистической системе, выродилось в голое догматическое подражание «Западу».

Таковы «детские болезни» раннего русского марксизма. Но эти «детские болезни» оказались неизлечимыми: они перешли и в зрелый возраст русской социал-демократии, как теоретическая основа меньшевизма.

(Продолжение следует)

КАТОРГА И ССЫЛКА

12

1933
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТКАТОРЖАН

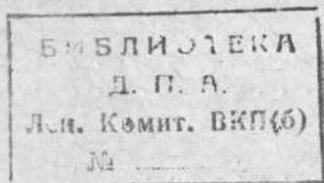
ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

КАТОРГА и ССЫЛКА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ВЕСТНИК

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И. А. ТЕОДОРОВИЧА

КНИГА 12 (109)

МОСКВА

1933

Дом Плеханова
№ 319

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр</i>
С. И. Черномордик.— К 50-летию Группы „Освобождение труда“	5
Н. Ильин.— Дело крестьян и фабричных помещика Свечина.	37
В. Гончаров.— Правда одной жизни.	54
А. М. Александров.— Дело Коалиционного Совета и Центрального Органа Новороссийского Университета	120
Б. Бухштаб.— О „Муравьевской оде“ Некрасова	139
И. Окунцов.— Мой побег с каторги.	146

ПАМЯТИ УМЕРШИХ ТОВАРИЦЕЙ

А. И. Вайнштейн и О. Меер.— Тимофей Копельзон.	154
И. И. Попов.— Николай Ефимович Ермолаев.	157
С. Козлов.— П. А. Шеденко.	160
Н. Б.— А. М. Редько.	161
Земляк.— На по сту (Павел Иванович Строков).	164

БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Козьмин.— По страницам книг и журналов.	167
--	-----

ХРОНИКА

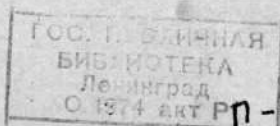
Организационная структура научно-исследовательской работы.	173
Работа Якутского НИИС'а	175

ПРИЛОЖЕНИЯ

Портрет А. В. Луначарского	4—5
Портреты Т. Копельзон, П. А. Шеденко, А. М. Редько и П. И. Строков	160—161

Техред. Н. Леонхард. Номер сдан в производство 26/XI—33 г. Подписан к печати—17/I—34 г.
Из ат. № 130. Упомянутый Главлита № В—73877 Формат бум. 6 X 94 1/16 д. п. л. 11.
З. Т. 1451. Тираж 5000.

7-я тип. «Искра революции» Мособлполиграф, Арбат, Филипповский переулок, 13.

С. И. Черномордик

К 50-летию Группы „Освобождение труда“¹

III

Группа «О. Т.» — II Интернационал — Меньшевизм

Под каким же влиянием происходил процесс меньшевизации и Группы «О. Т.»?

Ответ на этот вопрос мы можем получить, подвергнув исследованию ту идеологическую и общественную среду, в которой развивалась теоретическая и политическая работа Группы.

Первые работы Группы «О. Т.» — «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» — целиком построены на философско-исторических и экономических принципах, развитых основателями научного социализма в «Коммунистическом манифесте», «К критике политической экономии» и в «Капитале». В этих работах Плеханова теория исторического материализма и экономическое учение Маркса и Энгельса нашли последовательное и блестящее применение к русским политическим и экономическим условиям. Пользуясь методом Маркса — Энгельса, Плеханов с мужеством революционного мыслителя вскрывает противоречия русского революционного движения, подвергает их научному анализу и наносит сокрушительный удар утопическому социализму народников и бланкизму народо-вольцев.

Вместе с тем Плеханов в первых своих трудах дает блестящее теоретическое обоснование тому положению, что научный социализм универсален, т. е. он обнимает всю историю человечества, в том числе, конечно, и Россию. «Общие философско-исторические взгляды Маркса имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности» (Плеханов, т. II, стр. 47, «Социализм и полит. борьба»).

¹ Начало см. в № 10 нашего журнала.

Такая постановка вопроса имела тем большее значение, что в среде народнической революционной интеллигенции укоренилось мнение, что учение Маркса, по существу правильное, неприменимо к России. Даже сторонники Лаврова («впередовцы»), считавшие себя «социал-демократами» и немало потрудившиеся для распространения в России учения Маркса, — правда, в искаженном виде, — становились втупик всякий раз, как дело доходило до применения этого учения к России. Стоявшие «почти целиком на точке зрения соц.-демократии» (Плеханов) «впередовцы» «отрицали «политику» так же решительно, как и анархисты. Они не думали, правда, что социализм несовместим с вмешательством в политическую жизнь буржуазного государства и вполне оправдывали программу западно-европейской социал-демократии. Но они полагали, что возможность открытой организации рабочего класса в особую политическую партию куплена в современном «правовом» государстве слишком дорогой ценой: окончательным торжеством буржуазии и соответствующим эпохе капитализма ухудшением положения рабочих» (т. II, стр. 38—39).

Но философско-историческая концепция марксизма осталась за семью замками не только для «впередовцев». Все революционные направления 70-х и начала 80-х годов восприняли философию исторического материализма в крайне искаженном виде. Они не поняли революционного характера учения Маркса — Энгельса. Из самого революционного, какое знает история человечества, учения Маркса — Энгельса делались самые неревлюционные выводы. Из известного положения Маркса, что производственные отношения «составляют экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка», революционерами 70-х годов делался вывод, что экономическая революция может быть достигнута только путем борьбы на экономической же почве. Плеханов так рисует ход рассуждений таких «марксистов»: «Нередко и до сих пор можно встретить у нас «марксистов», которые именно на этом основании игнорируют политические задачи социализма. Экономические отношения, говорят они, лежат в основании всякой общественной организации. Изменение этих отношений составляет причину всякого политического переустройства. Чтобы освободиться от ига капитала, рабочий класс должен иметь в виду не следствие, а причину, не политическую, а экономическую организацию общества. Политическая организация не приблизит рабочих к их цели, так как их политическое порабощение будет продолжаться до тех пор, пока

не будет устранена экономическая зависимость их от имущих классов. Употребляемые рабочими средства борьбы должны быть приведены в соответствие с ее целью» (Плеханов, т. II, стр. 48) ¹.

Не случайно Плеханов свои первые марксистские работы посвятил вопросу о политической борьбе. Именно на этом вопросе ему легче всего было, в условиях того времени, показать истинное, революционное лицо учения Маркса — Энгельса.

По сути дела вопрос об отношении «экономики» к «политике» сводился к знаменитому спору о «яйце и курице», к спору об отношении «причины» к «следствию». Плеханов решает этот спор на почве марксистской диалектики. Он исходит из марксистского понимания «причины» и «следствия», развитого Энгельсом в его «Антидюринге»; «причина и следствие суть понятия, имеющие значение лишь в применении к отдельным случаям; но раз мы рассматриваем этот случай в его общей мировой связи, то причина и следствие совпадают, их противоположность исчезает при созерцании всемирного взаимодействия, в котором причина и следствие постоянно меняются местами, и то, что теперь или здесь следствие, станет там или тогда причиной, и наоборот» (Энгельс). В своей брошюре «Социализм и политическая борьба» Плеханов на ряде исторических фактов иллюстрирует это превращение причины в следствие, — как экономические отношения, вызвав к жизни соответствующие интересам господствующих классов политические учреждения, в свою очередь, подвергаются воздействию со стороны последних. «История есть величайший диалектик, и если, в ходе ее движения, разум превращается, по выражению Мефистофеля, в бессмыслицу, а благодетяние становится источником страданий, то не менее часто в историческом процессе следствие становится причиной, а причина оказывается следствием. Вырастая из экономических отношений современного ему общества, политическое могущество буржуазии, в свою очередь, служило и служит незаменимым фактором дальнейшего развития этих отношений» (Плеханов, т. II, стр. 52).

Но эта «диалектика» касается не только господствующих классов, но и эксплуатируемых, борющихся классов. Положение пролетариата в капиталистическом обществе определяется его положением в системе общественного производства, — как класса, лишённого средств производства и

¹ Кстати, в общем приблизительно так рассуждали впоследствии и наши «экономисты».

добывающего средства к существованию продажей своей рабочей силы. Это положение толкает его на борьбу с классом эксплуататоров за улучшение своего положения. На первых порах эта борьба носит характер партизанских стычек с отдельными хозяевами. Но по мере того, как, под влиянием роста производительных сил, капиталистические отношения усложняются, пролетариат приходит к классовому сознанию, т.е. к сознанию своего положения, как класса, в капиталистическом обществе. И он уже не ограничивается борьбой с хозяином за свое экономическое положение. Его борьба превращается в борьбу политическую, конечной целью которой является овладение политической властью в целях экономического переустройства общества в интересах пролетариата, т.е. для уничтожения капиталистической системы и построения социализма. «Теперь он понимает, какая связь существует между обществом и государством, и не апеллирует на притеснения своих эксплуататоров к тем, кто представляет собою политический орган той же эксплуатации. Он знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, крепость, которую можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет... Они стремятся тогда к политическому господству, чтобы помочь себе путем изменения существующих социальных отношений и приспособления общественного строя к условиям своего собственного развития и благосостояния. Разумеется, они тоже не вдруг достигают господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключаящей в умах противников всякую мысль о сопротивлении. Долгое время добиваются они лишь уступок, требуют лишь таких реформ, которые дали бы им не господство, а только возможность расти и созреть для будущего господства; реформ, которые удовлетворили бы самые насущные, самые ближайшие их требования и хоть немного расширили бы сферу их влияния на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетенный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необходимые для решительной битвы. Но раз приобретя эти качества, он может смотреть на своих противников как на класс, окончательно осужденный историей; он может уже не сомневаться в своей победе. Так называемая революция есть только последний акт в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной

лишь постольку, поскольку она делается борьбой политической» (Плеханов, т. II, стр. 58—59).

Последним актом политической борьбы пролетариата Плеханов считает овладение политической властью и установление диктатуры пролетариата. Возражая против «захвата власти» кучкой заговорщиков (как это себе представляли народовольцы), Плеханов пишет: «Мы не принадлежим к числу принципиальных противников такого акта, как захват власти революционной партией. По нашему мнению, он представляет собою последний и притом совершенно неизбежный вывод из той политической борьбы, которую, на известной ступени общественного развития, должен начать всякий класс, стремящийся к своему освобождению. Достигший политического господства, революционный класс только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти...

«Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является, в настоящее время, не только разрушение политического господства непродуцированных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни» (Плеханов, т. II, стр. 76—77).

Перед социалистической партией Плеханов ставит активные революционные задачи — возглавить рабочее движение и подготовить пролетариат к «решению своей великой исторической задачи». «Обязанность его (пролетариата — С. Ч.) сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания» (II, 78).

Так Плеханов подходит к вопросу о необходимости организации в России революционной социал-демократической партии, ставящей себе: конечной целью — социалистическую революцию и установление диктатуры пролетариата, ближайшими задачами — поднятие классового сознания пролетариата на основе научного социализма и свержение самодержавного правительства, «мешающего росту силы и сознания» пролетариата.

Бесспорно, что в своих первых выступлениях Гр. «О. Т.» в общем стояла на почве революционного марксизма в том его чистом виде, в каком он был разработан в трудах основоположников научного социализма — Маркса —

Энгельса. Задачи, которые ставились при своем возникновении Группой «О. Т.» перед русской социал-демократией, всецело совпадали с теми задачами, которые Маркс—Энгельс ставили перед международным рабочим движением.

Но, как мы показали выше (см. II главу), Группа «О. Т.», в своем дальнейшем развитии теоретически оставаясь на революционных позициях Маркса—Энгельса, в вопросах тактики и политики русского соц.-дем. движения постепенно скатывалась на путь оппортунизма. Это несоответствие между теоретической последовательной марксистской основой и оппортунистическими тенденциями в тактических и политических воззрениях составляет характерную особенность Группы «О. Т.» за всю историю ее существования.

В чем же заключаются причины такого отклонения Группы «О. Т.»?

Причины в том, что Гр. «О. Т.» идеологически и политически развивалась под непосредственным влиянием партий II Интернационала, особенно германской социал-демократии. В конце 80-х годов на смену блестящей революционной эпохе I Интернационала, эпохе Маркса—Энгельса, эпохе, закончившейся поражением Парижской Коммуны,—пришла новая эпоха, эпоха социал-демократии. В области мирового народного хозяйства наступила эра «мирного» капиталистического развития, сопровождавшаяся бурным ростом промышленности, концентрацией капитала и увеличением кадров пролетариата. В международном рабочем движении задачи непосредственной социальной революции сменились задачами постепенного накопления сил пролетариата. Решение этих задач, поставленных в общем правильно, соответственно изменившейся мировой обстановке, получило, однако, в соц.-демократических партиях этого «мирного» периода совсем не революционное направление с сильным уклоном в социал-реформизм. Пролетарская революция и диктатура пролетариата—задачи, поставленные Марксом перед социалистическими партиями,—были отодвинуты на задний план, а то и совсем отброшены. В лучшем случае, эти основные принципы революционного марксизма оставались украшением в литературных упражнениях официальных теоретиков, имевших мало влияния на политическое направление социал-демократических партий,—как это было в Германии. На деле немецкие соц.-демократы (а они считались самими «революционными» среди международной социал-демократии) уже в то время ставили ставку на мирное «завоевание» политической власти путем парламентских ман-

датов. Преобладание получила «идея» постепенного вращивания социализма в буржуазное демократическое государство. Даже такой «ортодокс», как В. Либкнехт, занимавший руководящее положение в германской социал-демократии, на съезде германской социал-демократии в Галле (1890), не упоминая ни словом о диктатуре пролетариата, так определял путь к социализму: «Современное государство вращивается в будущее государство точно так же, как будущее государство уже находится в современном государстве». Но еще за 15 лет до произнесения этих слов эта реформистская «установка» получила законченное выражение в Готской программе, подвергнутой беспощадному теоретическому разгрому со стороны Маркса. Известно, что «Критика Готской программы» Маркса, написанная в 1875 г. по поводу составленного проекта программы, имевшей целью объединить лассальянцев и эйзенахцев, и вскрывшая всю оппортунистическую и политическую путаницу германских социал-демократов, долго скрывалась от партии,—даже от таких вождей, как Бебель,—и была напечатана Каутским в *Neue Zeit* по настойчивому требованию Энгельса лишь в 1891 г. У ставших на путь оппортунизма и реформизма германских с.-д. были все основания скрыть этот исторический документ, ибо он бил не в бровь, а в глаз «тузам» (по выражению Энгельса) германской социал-демократии. В письме к А. Бебелю (28 марта 1875 г.) Энгельс пишет по вопросу о государстве: «Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т.-е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более, чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона, а затем «Коммунистический манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается и исчезает. Так как государство есть преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать»

(К. Маркс. «К. Г. П.», изд. 1932 г., Партиздат, стр. 55—56).

И уже в то время путь, намеченный германской с.-дем., настолько расходился с основными революционными принципами Маркса — Энгельса, что в том же письме Энгельс сообщает А. Бебелю: «Программа эта такова, что в случае, если она будет принята, Маркс и я ни за что не согласились бы примкнуть к основанной на таком фундаменте новой партии и должны были бы серьезно задуматься над вопросом, какую позицию (также и публично) занять по отношению к ней» (К. Г. П., стр. 57).

В дальнейшем, как известно, германская с.-дем., а вслед за ней и весь II Интернационал, продолжала идти по пути углубления занятой ею со времени «Готской программы» позиции — пути социал-реформизма, политического приспособленчества и отказа от революционных принципов Маркса. Идея вращающегося социализма в буржуазное государство пустила настолько глубокие корни, что после опубликования «Критики Готской программы» социал-демократическая фракция рейхстага, в лице депутата Грилленбергера, заявила с трибуны, что партия отклонила взгляды и указания Маркса, в особенности его идею диктатуры пролетариата, и никогда их не разделяла, а центральный орган германской с.-д. партии «Форвертс» официально заявил, что опубликование «Критики» произошло без ведома центрального комитета, который никогда не дал бы на это своего согласия, и Бебель от себя лично присоединился к этому заявлению. В «Эрфуртской программе», принятой вместо Готской в 1892 г. на съезде в Эрфурте, вопреки настойчивому требованию Энгельса, вопрос о диктатуре пролетариата вовсе обойден молчанием, а в числе переходных требований требование демократической республики отсутствует. Следует считать установленным, что германская с.-дем. со времени ее слияния с лассальянцами на основе «Готской программы» шаг за шагом отходила от революционного марксизма. После опубликования богатейшего документального материала следует отрешиться окончательно от старых представлений, что на первых своих этапах вожди герм. социал-демократии будто бы были последовательно-революционными марксистами, действовавшими по прямым указаниям Маркса и Энгельса. Мы теперь поподлинно знаем, что по ряду важнейших принципиальных вопросов вожди германской социал-демократии занимали оппортунистические позиции, вопреки Марксу и Энгельсу, в борьбе с ними. В письме к В. Бракке (5 мая 1875 г.) Маркс так мотивирует необходимость отмежеваться от «Готской программы»: «Я имею в виду краткое заявление, которое

Энгельс и я опубликуем после объединительного съезда: мы заявим, что мы совершенно непричастны к указанной принципиальной программе и не имеем с ней ничего общего.

«Это необходимо, так как за границей распространен тщательно поддерживаемый врагами партии взгляд, — взгляд совершенно ложный, — будто мы тайно руководим отсюда движением так называемой Эйзенахской партии. Еще в своей недавно вышедшей русской брошюре Бакунин возлагает, например, на меня ответственность не только за все программы и т. д. названной партии, но и за каждый шаг, сделанный Либкнехтом со дня его сотрудничества с народной партией» (К. Г. П., 61). Об этом же пишет Энгельс А. Бебелю (28/III 1875 г.): «На нас возлагается ответственность за каждое необдуманное слово, сказанное или написанное Либкнехтом со времени основания «Демократичесес Вохенблат». Люди воображают, что мы командуем отсюда всем движением, тогда как вы знаете не хуже меня, что мы почти никогда не вмешивались ни в малейшей мере во внутренние дела партии, и если и вмешивались, то только для того, чтобы по возможности исправить допущенные на наш взгляд ошибки, да и то лишь теоретические» (К. Г. П., 58).

Нет надобности в подробностях останавливаться на истории германской с.-д. Мы достаточно хорошо знакомы с ее позорным концом, с ее прямым предательством пролетариата, начиная с империалистической войны.

Это прямое предательство не было случайностью. Оно предопределялось всем ходом развития германской с.-д., со ступеньки на ступеньку скатывавшейся в лагерь классовых врагов пролетариата. И если на страницах германской с.-д. печати «теоретики» оперировали марксистской фразеологией, то это входило в их функции — скрывать под покровом революционной фразеологии оппортунизм и соглашательство партии в ее практической деятельности. Такое разделение труда уже тогда было необходимо для укрепления влияния в пролетарских массах. Это обстоятельство побуждало «вождей» принимать на съездах по внешности революционные резолюции против выступлений открытых оппортунистов, пытавшихся положить конец противоречию между революционной фразеологией и оппортунистической практикой, подвести теоретическую базу под политический оппортунизм германских с.-д. Таково выступление на Эрфуртском съезде открытого оппортуниста Фольмара, предлагавшего отложить в «долгий ящик» «конечную цель», т.-е. социализм, и заняться сделками с бур-

жуазией для постепенного улучшения положения рабочего класса; такова знаменитая «бернштейниада», провозгласившая лозунг: «движение — все, конечная цель — ничто». Против выступлений открытого оппортунизма были двинуты все серьезные теоретические силы германской с.-д. с Каутским во главе. Тогда казалось, что Каутский стал на защиту революционного марксизма против тех, кто хочет во имя «сегодняшнего дня» отказаться от революционных путей. Но не так обстояло дело в действительности. Для германской с.-д. в условиях того времени открытый оппортунизм представлял большие опасности, грозя оттолкнуть от партии широкие рабочие массы, в которых жив был революционный дух. Кроме того, в те времена германская буржуазия, чьи интересы прекрасно защищались гогенцоллернской монархией, не собиралась разделять власть с соц.-дем. В силу этого германская соц.-дем. в тот период была партией крайней оппозиции. В довоенный период германская с.-д. сохраняла видимость революционности, чтобы проводить на деле оппортунистическую политику. Поэтому и всякие попытки со стороны «смельчаков» сделать явно и эту оппортунистическую политику встречали такой жестокий отпор со стороны «ортодоксальных» вождей. Разумеется, в рядах германской с.-д. находились и революционные марксисты, но они были в оппозиции к партийному руководству, сосредоточенному в руках «центристов» (скрытых оппортунистов).

Вернемся, однако, к Группе «О. Т.». Пришлось сделать такое длинное отступление и остановиться на германской с.-д. потому, что Группа «О. Т.» возникла и действовала в эпоху «расцвета» германской с.-д., под сильным влиянием которой она находилась. Это влияние сказалось уже в «Социализме и политической борьбе», в которой, на ряду с революционными основами Маркса — Энгельса, мы находим много предрассудков, явно заимствованных из «Готской программы». Так, например, «прямое народное законодательство» Плеханов считает специфически пролетарской формой государственного правления.

«Между тем как представительная (монархическая или республиканская) система была детищем буржуазии, пролетариат требует прямого народного законодательства, как единственной политической формы, при которой возможно осуществление социальных стремлений. Это требование рабочего класса занимает одно из первых мест в программе социальной демократии всех стран и стоит в самой тесной связи со всеми остальными пунктами ее программы» (Плеханов, т. II, стр. 55).

Это «требование» внесено в первый и второй проект программы Гр. «О. Т.». Чтобы понять заблуждение, в которое впал Плеханов в этом вопросе, сопоставим мнение Энгельса, высказанное им в уже цитированном письме к А. Бебелю по поводу «Готской программы».

...«В программе фигурирует куча довольно туманных, чисто-демократических (подчеркнуто Энгельсом) требований, причем некоторые из них попросту предмет моды, вроде, например, «прямого народного законодательства», которое существует в Швейцарии и приносит там больше вреда, чем пользы; если вообще что-нибудь приносит» (К. Маркс. «Кр. Г. П.». Изд. ИМЭЛ, 1932 г., стр. 55).

Там же еще более энергично выражается Маркс, называя «прямое законодательство» «старой демократической дребеденью».

Такое же «заимствование» из «Готской программы» относится и к фигурирующему в первом и втором проекте программы Гр. «О. Т.» лассальянскому «требованию» «государственной помощи производительным ассоциациям».

Насколько это «требование» «революционно», можно судить из слов Маркса в «Критике Готской программы»: «Социалистическая организация совокупного труда» «возникает» не из процесса революционного преобразования общества, а из помощи государства, — оказываемой производительным товариществам, которые «призваны к жизни» им (курсив Маркса), а не рабочими. Это вполне достойно лассалевской фантазии, будто с помощью государственной субсидии так же легко можно построить новое общество, как и новую железную дорогу!» (К. Маркс. «К. Г. П.», стр. 40)¹.

Влияние германской с.-д. на этом не остановилось. В дальнейшем основатели Группы «О. Т.» лично сближаются с лидерами и теоретиками германской с.-д. и делают их верными оруженосцами. Плеханов и Аксельрод становятся «европейскими» соц.-демократами и в европейской социалистической печати, и на конгрессах II Интернационала охраняют и защищают позиции германской с.-д. Плеханов делается близким, доверенным лицом в германской с.-д., ему поручается написать для германской с.-д. печати ряд ответственных статей. Трудно привести для характеристики Плеханова, подпавшего под влияние германской с.-д., более яркую статью, чем «Сила и насилие», написанную им в 1894 г. для

¹ Слова, взятые в тексте Маркса в кавычки, относятся к Готской программе.

центрального органа германск. с.-д. «Форвертс» по поручению В. Либкнехта. Дело в том, что в это время германская соц.-дем. подвергалась нападкам со стороны анархистов и «левых» соц.-демократов за ее легализм и умеренность. Практическая деятельность германской с.-д. давала к этому достаточно оснований. Необходимо было теоретически обосновать эту умеренность. Эту «почетную» роль вожди германской с.-д. возложили на Плеханова. Как же Плеханов выполнил этот «социальный заказ»? С искусством виртуоза. Под словесным революционным покровом он оправдал политику социал-реформизма.

Плеханов исходит из посылки, что «наиболее революционно то средство, которое быстрее других приближает нас к нашей цели, к революции». Отсюда он делает следующие выводы:

1) «Возможны также самые революционные действия без всякого отдаленного сходства с восстанием, с насильственным действием».

2) «Восстание и насильственные действия всегда являются антиреволюционными, когда они вместо того, чтоб приблизить нас к нашей цели, отдаляют нас от нее» (Плеханов, т. IV, стр. 251).

Против этих выраженных в чрезвычайно общей форме рассуждений ничего нельзя возразить. Но дело в том, что ничего не стоит на основе этих правильных общих посылок творить оппортунистическую политику. Для этого нужно только всякое «насильственное действие» объявить отдаляющим нас «от нашей цели», т.-е. антиреволюционным (что и делали впоследствии Плеханов и меньшевики в революциях в 1905 и 1917 гг., — припомним его знаменитое: «не надо было братья за оружие»).

Плеханов так и делает. Он отодвигает на последний план вопрос о «революционном насилии», т.-е. о пролетарской революции, как не имеющем «практического значения», сводя его к анархистскому индивидуальному террору и «бунтарству». Он все свое внимание сосредоточивает на защите первого положения — на «революционных действиях без всякого отдаленного сходства с восстанием». Каковы же эти «революционные действия»?

«Положить пределы капиталистической эксплуатации при помощи фабричного законодательства, дать восторжествовать в этих пределах политической экономии наемного труда над политической экономией капитала, — это значит изменить в духе революции экономические отношения страны. Всякая деятельность, преследующая эту цель, есть рево-

люционная деятельность, независимо от того, какие формы она примет: будет ли она добиваться этой цели насильственными средствами, или же мирной агитацией» (т. IV, стр. 253—254, Плеханов).

Нетрудно убедиться, что Плеханов под флагом революционной фразеологии дает теорию социал-реформизма. Больше того, он в сущности подводит под революционное движение самые оппортунистические течения в международном рабочем движении, — как английский трэд-юнионизм и французский поссибилизм («независимо от формы»). *Quod est demonstrandum*¹. «Социальный заказ» выполнен. «При современном положении цивилизованных стран, в интересах самого пролетариата не увлекаться насильственными действиями». Это — реальная вещь. А вот и «утешение для души»: «но даже, когда мы отвергаем насильственный образ действий, мы не перестаем развивать революционную силу пролетариата и подготавливать его будущие победы» (Плеханов, т. IV, стр. 258).

Нельзя отказать Плеханову в том, что он тонко уловил оппортунистические тенденции германской с.-д. и с большим искусством их прикрыл революционной фразой. Эти тенденции, воспринятые им от германской с.-д., привели его впоследствии к меньшевизму, к предательству интересов рабочего класса и измене пролетарской революции: он разделил участь всего II Интернационала. Прав Плеханов, когда в предисловии к русскому изданию брошюры «Сила и насилые», вышедшей после первой революции, пишет: «Прочтите эту брошюру, и вы увидите, что когда я писал ее, — а это было, как я уже сказал, еще весною 1894 г., — я смотрел на социал-демократическую тактику совершенно так, — до мелочей так, — как я смотрю на нее в настоящее время» (Плеханов, т. IV, стр. 250).

Истоки меньшевизма, — как правильно утверждает Плеханов, — следует искать в литературной деятельности Группы «О. Т.», развивавшейся под идеологическим влиянием послемарксовской германской с.-д. Повидимому, даже это свидетельство самого Плеханова недостаточно убедительно для некоторых «историков», вроде В. Ваганьяна, склонного считать Плеханова чуть ли не предтечей большевизма и тщательно замазывающего элементы меньшевизма в Группе «О. Т.», самым ярким и талантливым представителем которой был Плеханов.

Полную солидарность с германской с.-д. Плеханов обнаруживал и на конгрессах II Интернационала. Если на первом

¹ Что и требовалось доказать.

Парижском конгрессе (1889 г.) Плеханов выступал как новичок, который провозгласил от имени молодой русской с.-д., что «революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих»; если на II Брюссельском конгрессе (1891 г.) он присутствует, как скромный гость, — то на III Цюрихском конгрессе (1893 г.) Плеханов выступает как докладчик по вопросу о войне. Какую же позицию занимают в лице Плеханова русские соц.-дем.? На конгрессе боролись две резолюции — голландской делегации, от имени которой выступал Домела Ньювенгейс, и резолюция немецкой делегации. В своем докладе Плеханов заявляет: «Действительно революционной является только немецкая резолюция. Немецкая резолюция должна быть принята в интересах свободы, цивилизации и революционного пролетариата». Что же это за «революционная резолюция»? По своей словесной структуре она действительно революционна, но это не резолюция активной революционной партии пролетариата, а скорее тезис для пропагандистского кружка. Резолюция не дает никаких указаний, что же конкретно делать соц.-дем. для предотвращения войны, а в случае ее возникновения, как ее использовать в целях социалистической революции. Вместо этого она ограничивается отвлеченным предложением с.-д. партиям «работать над сокрушением капитализма» и повторением марксистского тезиса, что «вместе с уничтожением господства классов исчезает война». Столь же общий характер носит и приглашение международной с.-д. «восстать всеми находящимися в ее власти силами против шовинистических appetitов господствующих классов», «теснее соединять узами солидарности рабочих всех стран». Это было в сущности беспомощное повторение принятой за два года до того резолюции Брюссельского конгресса, который, уклонившись от рекомендаций каких-либо действий на случай объявления войны, «возлагает на господствующие классы всю ответственность за нее (т.-е. войну — С. Ч.) перед историей и перед человечеством».

Естественно, такая резолюция не могла удовлетворить революционные элементы международного социализма, которых мучил вопрос, какие же действия должна предпринять с.-д. партия в случае объявления войны. Под давлением этих революционных настроений Домела Ньювенгейс, глава голландской делегации, внес резолюцию, предлагавшую на объявление войны ответить всеобщей забастовкой и отказом от военной службы.

Разумеется, эта анархическая путаная резолюция не являлась революционным разрешением вопроса. Последнее

требовало не отказа от военной службы, а использования оружия для превращения войны в исходный пункт пролетарской революции. Простой отказ от военной службы по сути дела вел к тактике скрещенных рук, пассивного сопротивления. Но это все же была постановка вопроса о действии. Революционная критика голландской резолюции могла быть построена на признании ее недостаточности, на ее половинчатости. Но резолюция была отвергнута из желания избежать «бесполезного кровопролития». На деле, однако, это обозначало, что большинство конгресса отказалось от всякой мысли идти по пути пролетарской революции. Несмотря на всю половинчатость голландского предложения, положительная сторона резолюции состояла в том, что борьбу с военной опасностью она ставила на путь антимилитаристской агитации и пропаганды, на путь массовой работы в рядах пролетариата и армии. Но такой путь был вовсе неприемлем для большинства партий II Интернационала, прочно ставших на позиции парламентского реформизма. Теперь, после опыта империалистической войны и после военной «работы» с.-д., можно на эту тему не распространяться.

Русская соц.-дем. в лице Плеханова горячо защищала «немецкий» проект резолюции и не менее горячо ополчилась на «анархический» проект голландцев. Сделано это было с присущим ему блеском: и марксистская фраза была сохранена, и интересы германского с.-д. оппортунизма и социал-реформизма были соблюдены. Обойден был только основной, самый важный вопрос, — как действовать с.-д. до и во время войны.

Выступление Плеханова на Цюрихском конгрессе не оставляет сомнений, что он, а вместе с ним и вся Группа «О. Т.» (надо иметь в виду, что Плеханов был самый «левый» среди членов Группы), к середине 90-х годов воспринял оппортунистические тенденции германской соц.-дем., руководящей партии II Интернационала. Эти оппортунистические тенденции он под видом революционного марксизма контрабандой протаскивает в русскую соц.-дем. литературу, прославляя мудрость партий II Интернационала, ведущих тихую, мирную политику, пользующихся всеми благами «демократии», увеличивающих число своих мандатов в парламенте, обнаруживающих рост своих организаций (см. его «Обзоры» рабочего движения в сборниках «Соц.-дем.»). Об одном он только умалчивает — об отказе герм. соц.-дем. от основных революционных принципов Маркса. Так, об «Эрфуртской программе», исключившей марксистскую идею диктатуры пролетариата и отказавшейся да-

же от требования демократической республики, Плеханов отзывается так: «На Эрфуртском конгрессе принята была новая редакция программы партии. Теперь это совершенно марксистская программа, не заключающая в себе никаких остатков лассальянства» (Плеханов, т. IV, стр. 117—«Рабочее движение в 1891 г.», «Соц.-дем.», книга 4 за 1892 г.). Итак, по Плеханову, подпавшему под полное влияние герм. соц.-дем., партийная программа без диктатуры пролетариата — это «совершенно марксистская программа». О факте отсутствия в «совершенно марксистской программе» этого основного принципа Маркса Плеханов даже не упоминает. Перед русскими соц.-дем. Плеханов скрывает факты отступления герм. с.-д. от революционных принципов Маркса, но зато прославляет ее парламентские успехи. Такая «тактика» Плеханова была причиной того, что долгое время в глазах русских соц.-дем. германская соц.-дем. была воплощением революционного марксизма.

Было бы полбеды, если бы русские соц.-дем. были дезориентированы Плехановым в вопросах только международного рабочего движения. Но «духом» германской соц.-дем. проникнуто и освещение вопросов русского революционного движения. «Западничество» Плеханова, его «конституционализм», заигрывание с буржуазией, отношение к крестьянству, как к «тупой», реакционной массе, — на чем мы подробно останавливались выше, — на всем этом лежит печать оппортунистического влияния германской соц.-дем. И совсем не случайны его «ошибки» при выработке проекта партийной программы в эпоху «Искры». В самой структуре плехановского проекта программы, в туманных формулировках сказывается влияние его германских учителей, манера, заимствованная у «опытных» немецких с.-д., — говорить обо всем в научном стиле, не сказав самого главного, что требуется для революционного действия партии. Намек на «немецкое» влияние содержится в яркой характеристике, данной Лениным плехановскому проекту программы: «По способу формулировки важнейшего отдела, относящегося к характеристике капитализма, этот проект дает не программу пролетариата, борющегося против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического учебника, посвященного капитализму вообще.

«В особенности непригодна программа для партии русского пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать ка-

питализм вообще. Партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинения ею русского капитализма, объявление ею войны русскому капитализму... Проект не достигает поэтому одной из главных целей программы: дать партии директиву для ее повседневной пропаганды и агитации по поводу всех разнообразных проявлений русского капитализма...

«Эволюция сельскохозяйственного капитализма не то затемнена, не то вовсе обойдена. Затем, место «диктатуры пролетариата» заняла «революция, которую предстоит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплуатации», и даже вместо классовой борьбы пролетариата поставлена «борьба трудящейся и эксплуатируемой массы» (Ленинский сборник, II, стр. 88—89).

Плеханов был человек больших теоретических знаний, и его никак нельзя было заподозрить в том, что эти туманные формулировки — результат его недостаточного знакомства с марксистской теорией. Эти «ошибки» были «установочного» характера, — они были прямым продолжением позиции, занятой Группой «О. Т.» с первых лет ее существования. Русская революция, по представлению Группы «О. Т.», должна была привести к «политической свободе», к парламентаризму в западно-европейском смысле и открыть путь для деятельности с.-д. на парламентской почве. Идеалом Группы «О. Т.» была германская с.-д. с ее парламентской фракцией, с ее «свободной» печатью, с свободой собраний, союзов и пр. И все то, что выходило за эти пределы, все то, что касалось «конечной цели», принимало у деятелей Группы «О. Т.» туманные очертания, не имело «практического значения». В этой концепции, разумеется, не могла найти места задача перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Позднейший ход событий показал, что именно группа «О. Т.» послужила тем ядром, вокруг которого сгруппировались все оппортунистические элементы русской соц.-дем. На II съезде партии вокруг Группы «О. Т.» произошло организационное оформление меньшевизма, этой российской разновидности международного социал-реформизма. Опортунистические тенденции Группы «О. Т.» достигли своего законченного развития в меньшевизме, составив его основную канву.

Революция 1905 г. и эпоха реакции окончательно раскрыли социал-реформистское лицо меньшевизма; война и революция 1917 г. показали социал-предатель-

ское его лицо; эпоха Октябрьской революции сдвинула его в лагерь социал-фашизма.

Российский меньшевизм включился в оппортунистические колонны II Интернационала и вместе с ним проделал позорный путь предательства. Начало этого пути — едва заметные, робкие оппортунистические зигзаги Группы «О. Т.». Его недалекий конец — позорная политическая смерть II Интернационала и международного меньшевизма от руки революционного пролетариата.

IV

Группа «Освобождение труда» — Большевизм

Было бы исторической ошибкой расценивать деятельность Группы «О. Т.», как сплошь меньшевистскую. Если мы так долго останавливались на оппортунистических уклонах Группы «О. Т.», то делали мы это с целью отыскать корни меньшевизма в политических воззрениях деятелей Группы «О. Т.» на известном этапе их развития. Но этому обстоятельству ни в какой мере не противоречит тот исторический факт, что деятели Группы «О. Т.» были и остаются «основоположниками марксизма в России», — как их оценивает В. И. Ленин. В истории русской революции деятели Группы «О. Т.» заняли прочное и почетное место, как последовательные и мужественные борцы против народничества, как его победители, как проводники идей революционного марксизма в среде русских революционеров в 80-х и начале 90-х годов, как революционеры, не мало потрудившиеся над подготовкой первых кадров русской социал-демократии.

У нас, большевиков, нет никаких оснований отказываться от «наследства», оставленного нам Группой «О. Т.». Много из того, что Группа «О. Т.» «накопила» за время своей деятельности, большевизм принял и сделал своим достоянием.

Какое же это «наследство»?

Это, во-первых, общие идеи революционного марксизма, воспринятые основателями Группы «О. Т.» непосредственно у Маркса — Энгельса: основы научного социализма, диалектический материализм, учение о прогрессивной исторической роли капитализма, учение о революционной роли пролетариата и его авангарда, с.-д. партии, и учение о диктатуре пролетариата.

Это, во-вторых, итоги теоретической работы Группы «О. Т.», главным образом Плеханова, над включением русского исторического процесса в мировой капиталистический процесс.

И это, наконец, постановка перед русской революционной социал-демократией в качестве первоочередной задачи свержения самодержавия, как первого крупного этапа на пути пролетариата к социалистической революции.

Эти ценности, освобожденные от позднейших оппортунистических наслоений, послужили исходным пунктом для возникновения и развития идей большевизма. Они послужили как бы «основным капиталом» большевизма.

Появление на революционной арене в начале 90-х годов В. И. Ленина составляет начало новой эпохи в истории русской и международной революции. В теоретическом отношении она характеризуется восстановлением революционного марксизма по первоисточникам, очищением революционного учения Маркса — Энгельса от оппортунистических извращений его партиями II Интернационала; в политическом отношении — постановкой задачи организации партии нового типа, которая ставит перед собою основную цель — подготовку пролетарской революции и обеспечение победы пролетарской диктатуры. Все остальные задачи, как бы они важны ни были, являются лишь «текущими задачами», подчиненными основной цели, которая ставится как конкретная задача политической и организационной деятельности пролетарской партии.

Такая постановка задач пролетарской партии обозначала образование двух основных течений во II Интернационале: оппортунистического и революционно-марксистского. В начале едва заметная трещина, по мере углубления противоречий во II Интернационале, превратилась впоследствии в глубокую пропасть, привела к краху и разложению II Интернационала и основанию Коммунистического Интернационала. В истории русской социал-демократии наступление эпохи Ленина обозначало, что социал-демократическое движение в России наметило новые, проникнутые революционным духом Маркса, пути, отличные от оппортунистических тенденций Группы «О. Т.». Начинаясь отход русской социал-демократии от позиций Группы «О. Т.».

Уже в первой своей работе — «Что такое друзья народа» (1894) — В. И. Ленин ставит принципиально отлично от Плеханова вопрос об отношении демократической и социалистической борьбы. Припомним «формулу» Плеханова: «сначала борьба за политические права, потом борьба за политическое господство». А вот какую трактовку получает этот вопрос у молодого Ленина: «На класс рабочих и обращают соц.-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят

идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получают широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции».

Из сопоставления этих двух «установок» — Плеханова и Ленина — бросается в глаза их резкое различие. В то время как Плеханов в 90-х годах склонен рассматривать демократическую борьбу русских рабочих вне их классовой борьбы против капитализма, оторванно от нее, Ленин рассматривает ее как одно из звеньев классовой борьбы, как естественный результат сознания пролетариатом его «исторической роли», как класса. В то время как Плеханов делит борьбу пролетариата на два «фазиса», друг от друга отделенные большим расстоянием — демократическую и социалистическую, — Ленин, рассматривает борьбу пролетариата как единый процесс, в котором пролетариат, руководимый своим авангардом, вслед за свержением самодержавия приступит к «коммунистической революции», идя к ней «прямой дорогой открытой политической борьбы». В противоположность плехановскому «социал-конституционализму», в формулировке Ленина уже заметны зачатки идеи перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В развернутом и более конкретизированном виде Ленин развивает принцип неразрывного единства «демократической» и «социалистической» борьбы пролетариата в своей брошюре «Задачи русских социал-демократов» (1898): «...Эта работа¹ неразрывно связывается с социалистической. Пропагандируя среди рабочих, социал-демократы не могут обходить вопросы политические и сочли бы всякую попытку обойти их или даже отодвинуть их глубокой ошибкой и отступлением от основных положений всемирного социал-демократизма. Наряду с пропагандой научного социализма, русские социал-демократы ставят своей задачей пропаганду в рабочих массах и демократических идей, распространять понятие об абсолютизме во всех проявлениях его деятельности, о его классовом содержании, о необходимости сверже-

¹ Демократическая работа с. д. — С. Ч.

ния его, о невозможности успешной борьбы за рабочее дело без достижения политической свободы и демократизации политического и общественного строя России. Агитируя среди рабочих на почве ближайших экономических требований, социал-демократы неразрывно связывают с этим и агитацию на почве ближайших политических нужд, бедствий и требований рабочего класса: агитацию против полицейского гнета, проявляющегося в каждой стачке, в каждом столкновении рабочих с капиталистами; агитацию против стеснения прав рабочих, как русских граждан вообще и как наиболее угнетенного и наиболее бесправного класса в частности; агитацию против каждого выдающегося представителя и лакея абсолютизма, приходящего в ближайшее соприкосновение с рабочими и наглядно показывающего рабочему классу его политическое рабство»... (Ленин, т. II, стр. 175).

И еще: «...соединение экономических и политических вопросов, социалистической и демократической деятельности в одно целое, во единую классовую борьбу пролетариата, не ослабляет, а усиливает демократическое движение и политическую борьбу, приближая ее к реальным интересам народных масс, вытаскивая политические вопросы из «тесных кабинетов интеллигенции» на улицу, в среду рабочих и трудящихся классов, разменивая абстрактные идеи политического гнета на те реальные проявления его, от которых страдает всего больше пролетариат и на почве которых ведет свою агитацию социал-демократия» (Ленин, т. II, стр. 180).

Если мы сопоставим формулировки проектов ленинской «программы социал-демократической партии» (1895—96 гг.) и проектов программы Группы «О. Т.» (1884 и 1888 гг.), то и здесь мы увидим принципиальное различие во взглядах на этот вопрос.

Формулировка Ленина:

«Борьба русского рабочего класса за свое освобождение с необходимостью вызывает борьбу против неограниченной власти самодержавного правительства».

«Борьба русского рабочего класса за свое освобождение есть борьба политическая, и первой задачей ее является достижение политической свободы» (Ленин, т. I, стр. 426).

Итак, «борьба за свое освобождение», т.-е. «социалистическая» борьба, есть основное содержание борьбы рабочего класса, по отношению к которому борьба против самодержавия, т.-е. «демократическая» борьба, является частью, хотя и «первой» задачей. Но в целом борьба рабочего класса есть «единая классовая борьба», имеющая целью ос-

вобождение пролетариата, т.е. социалистическую революцию.

Принципиально иная исходная точка зрения у Плеханова. «Одним из вреднейших следствий отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя инициативу борьбы с абсолютизмом».

«Социалистической интеллигенции пришлось, поэтому, стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, причем социалисты, с своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России» (Из первого проекта программы Группы «О. Т.»).

Итак, «социалисты» «у нас» берут на себя задачу борьбы с самодержавием в силу необходимости, так как буржуазия в России неспособна на борьбу; далее, даже не рабочий класс должен вести эту борьбу, а «социалисты», которые должны «доставить», повидимому, рабочему классу, политическую свободу в готовом виде; наконец, в этой «концепции» отсутствует какая-либо органическая связь между политической борьбой и борьбой рабочего класса за свое освобождение, т.е. за социализм. Эта «органичность», единство борьбы пролетариата отсутствуют и во втором «проекте программы Группы «О. Т.».

Из понимания соотношения «демократической» и «социалистической» борьбы пролетариата, как двух сторон единой классовой борьбы, вытекало и отношение Ленина к союзникам пролетариата.

Как мы это выше показали, Плеханов, рассматривая демократическую «фазу» революции, как «борьбу за политические права», видел во всех тех, кто стремился «к политической свободе», союзников пролетариата в его политической борьбе. На политической сцене он замечал только два класса, стремившихся к политической свободе — пролетариат и буржуазию: их он и считал естественными союзниками в политической борьбе.

Для Ленина буржуазная революция — это не только борьба «за политические права», это прежде всего борьба за до конца проведенный демократический переворот, который может быть произведен под гегемонией пролетариата, — класса, единственно заинтересованного в полной демократизации политического строя. «...В борьбе против абсолютизма рабочий класс

должен выделять себя, ибо только он является до конца последовательным и безусловным врагом абсолютизма, только между ним и абсолютизмом невозможны компромиссы, только в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад. Во всех других классах, группах, слоях населения вражда к абсолютизму не безусловна, демократизм их всегда оглядывается назад. Буржуазия не может не сознавать задержку промышленного и общественного развития абсолютизмом, но она боится полной демократизации политического и общественного строя и всегда может вступить в союз с абсолютизмом против пролетариата. Мелкая буржуазия двулична по самой своей природе, и, тяготея, с одной стороны, к пролетариату и к демократизму, она, с другой стороны, тяготеет к реакционным классам, пытается задержать историю, способна поддаться на эксперименты и заигрывания абсолютизма (хотя бы в форме «народной политики» Александра III), способна заключить союз с правящими классами против пролетариата ради укрепления своего положения, как мелких собственников. Образованные люди, вообще «интеллигенция» не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой оппозиционный и революционный пыл за казенное жалованье или за участие в прибылях или дивидендах. Что касается до демократических элементов в угнетенных народностях и в преследуемых вероучениях, то всякий знает и видит, что классовые противоречия внутри этих категорий населения гораздо глубже и сильнее, чем солидарность всех классов подобной категории против абсолютизма и за демократические учреждения. Только один пролетариат может быть — и, по своему классовому положению, не может не быть — последовательным до конца демократом, решительным врагом абсолютизма, неспособным ни на какие уступки, компромиссы. Только один пролетариат может быть передовым борцом за политическую свободу и за демократические учреждения, ибо, во-первых, на пролетариате политический гнет отражается всего сильнее, не находя никаких коррективов в положении этого класса, не имеющего ни доступа к верховной власти, ни даже доступа к чиновникам, ни влияния на общественное мнение. А во-вторых, только пролетариат способен до конца довести демократизацию политического и общественного строя, ибо такая демокра-

тизация отдала бы этот строй в руки рабочих» (Ленин, т. II, стр. 177—178).

Намечавшееся уже тогда расхождение двух точек зрения на пути и характер буржуазно-демократической революции лежало в плоскости проблемы пролетарской революции. Для Плеханова последняя не имела «практического значения», для Ленина она имела основное значение. Для Ленина демократическая революция не была просто суммой политических свобод, а подступом к пролетарской революции. Поэтому вопрос о союзниках пролетариата в революции приобретал у Ленина первостепенное значение. Но как далеки были друг от друга представления Плеханова и Ленина о «союзниках»! В то время как Плеханов искал в среде либеральной буржуазии союзника пролетариата для завоевания политической свободы, Ленин искал прочных союзников, которые под гегемонией пролетариата поддержали бы его борьбу за доведение до конца буржуазно-демократической революции и вместе с ним продолжали бы дальнейшую борьбу за социалистическую революцию. Таких союзников Ленин видел в беднейшем крестьянстве, которое Плеханов третировал как «опору абсолютизма». Пролетарский революционер Ленин обратил свои взоры на этого союзника. Что касается либеральной буржуазии, он останавливал свое внимание на ее антиреволюционном лице и скептически и подозрительно относился к ее «оппозиционной» возне. Эту позицию Ленина заметили уже в 1895 г. Плеханов и Аксельрод, к которым приехал за границу повидаться тогда еще юный Ленин. Об этой встрече приводит воспоминания П. Б. Аксельрод. Он рассказывает о своей беседе с Лениным по поводу его статьи «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», появившейся в незадолго до того сожженном цензурой сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».

— У вас, — сказал Аксельрод, — заметна тенденция, прямо противоположная тенденция, той статье, которую я писал для этого же самого сборника. Вы отождествляете наши отношения к либералам с отношениями социалистов к либералам на Западе. А я как раз готовил для сборника статью под заглавием «Запросы русской жизни», в которой хотел показать, что в данный исторический момент ближайшие интересы пролетариата в России совпадают с основными интересами других прогрессивных элементов общества. Ибо у нас перед рабочими, как и перед другими прогрессивными общественными элементами, на очереди одна и та же неотложная задача: добиться условий, допускающих развитие

их широкой самодеятельности. Точнее говоря, это — задача свержения абсолютизма. Эта задача диктуется всем нам русской жизнью. Так как цензурные условия не позволяют определить эту задачу настоящим словом, то я характеризовал ее формулой: «создание условий для широкой общественной самодеятельности», требуемое русской жизнью.

Ульянов, улыбаясь, заметил в ответ:

— Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: «Вы, — говорит, — поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом»¹.

Нам кажется, что улыбка Ленина в разговоре с Аксельродом обозначала, что «оттенки» мнений, существовавшие между Группой «О. Т.» и Лениным, не были для последнего новостью.

Вопрос о союзниках пролетариата в революции имеет чрезвычайно важное значение для победы пролетарской революции. Равнодушное отношение к этому вопросу, по справедливому определению тов. Сталина, «является обратной стороной отрицания диктатуры пролетариата». Тот факт, что и Группа «О. Т.» и II Интернационал проходили мимо него, служит достаточным доказательством, что диктатура пролетариата уже в то время не составляла их основной практической цели, хотя кое-где в литературе II Интернационала еще сохранялись кое-какие рассуждения на эту тему. Начальный период этого антимарксистского, антиреволюционного направления политики II Интернационала predetermined его естественный конец, когда II Интернационал стал заклятым врагом диктатуры пролетариата.

Тов. Сталин дает чрезвычайно четкое и яркое объяснение факту равнодушия II Интернационала к вопросу о союзниках пролетариата. «...Эти партии не верят в пролетарскую диктатуру, боятся революции и не думают вести пролетариат к власти; а кто боится революции, кто не хочет вести пролетариев к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в революции, — для него вопрос о союзниках является вопросом безразличным, не актуальным» (Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 37).

Группа «О. Т.» потому так «презрительно» и относится к крестьянству, что ее мало занимают вопросы пролетарской революции, успех которой зависит от того, насколько пролетариат сумеет обеспечить себе союзников в революции. Ленин с начала своей революционной деятельности

¹ Переписка Плеханова и Аксельрода (т. I, стр. 270—271).

так много уделяет внимания изучению вопроса о крестьянстве потому, что он связывал этот вопрос с вопросом о союзниках пролетариата для совершения пролетарской революции. Одно это различие «установок» служит достаточным основанием для утверждения, что образование двух течений в русской социал-демократии относится ко времени появления на революционную арену В. И. Ленина. Одно из них — социал-реформистское — ведет свое происхождение от оппортунистических тенденций Гр. «О. Т.», другое — держащее курс на пролетарскую революцию — идет от Ленина. Этому утверждению не противоречит тот факт, что Плеханов вел ожесточенную борьбу с российскими «экономистами» и европейскими «бернштейнианцами» и открытыми оппортунистами. Не надо забывать, что ведь и германские «ортодоксы», во главе с К. Каутским, вели не менее острую борьбу с открытым оппортунизмом, однако теперь уже нельзя сомневаться, что и тогда уже так называемая «ортодоксальная» германская социал-демократия была сама заражена в скрытой форме социал-реформизмом. Не противоречит этому утверждению и факт совместной работы основателей Гр. «О. Т.» с Лениным в «Искре». Во-первых, как известно, трещина в «Искре» — между основателями «О. Т.» и Лениным — стала обнаруживаться с первых ее шагов. Во-вторых, эта совместная работа оказалась возможной постольку и до тех пор, поскольку и пока основатели Гр. «О. Т.» шли на буксире у Ленина, пользовавшегося большим влиянием и авторитетом в рядах с.-д. в России. И как только основатели Гр. «О. Т.» оторвались от ленинского буксира, они продолжали идти своей старой, проторенной оппортунистической дорогой, уже открытой в рядах меньшевизма. II съезд партии подытожил исторический процесс оппортунистического развития Гр. «О. Т.»

Однако находятся такие «исследователи, которые, на основании ряда цитат, «доказывают», что Плеханов был не только «основоположником марксизма» в России, но и основоположником большевизма. К наиболее ярким представителям этого рода «исследователей» принадлежит «птенец» из гнезда Рязанова — В. Ваганян. Сей «исследователь» задался целью доказать, что Плеханов был и остался революционным марксистом до конца дней своих, что основные принципы большевизма, как гегемония пролетариата, диктатура пролетариата, отношение пролетариата и крестьянства, были в России открыты и развиты Плехановым; что, наконец, последний был носителем и проводником этих принципов. Цель этой «научной» работы, проделанной В. Ваганяном под руководством Рязанова, была в свое время рас-

крыта и заключалась в том, чтобы доказать, что не Ленин, а Плеханов был основателем большевизма, — а Ленин якобы был лишь учеником и продолжателем дела Плеханова. Попытка, что и говорить, смелая после, как говорится, «всего случившегося» с Плехановым, — после его социал-оборончества, социал-патриотизма, после его социал-либерализма в эпоху Февральской революции, после его «большевикоинства» на протяжении всей его политической деятельности, в последний ее период в особенности.

Какими же методами достигает В. Ваганян своих намеченных выводов? Он тщательно скрывает все то, что может «повредить» его выводам, и выпячивает все те высказывания Плеханова, которые могут доставить им «торжество». Чтобы не быть голословными, приведем несколько образцов «рассуждений» В. Ваганяна.

Но предварительно мы должны здесь заявить, что Плеханов так много писал, так много давал различных, а часто и противоречивых толкований различным вопросам, что, при известной натяжке, можно, конечно, путем цитирования подходящих текстов, скрывая тексты неподходящие, доказать и то, что хочет В. Ваганян. Но едва ли кто-нибудь решится назвать такие «методы» методами научного исследования. Полправды — это еще не правда; полправды чаще всего служат «научной» основой для тенденциозных измышлений. Ваганяновская «полправды» относительно Плеханова есть антиленинская тенденциозность.

Итак, обратимся к рассуждениям В. Ваганяна.

Образец первый.

В. Ваганян утверждает: «идея гегемонии пролетариата проходит красной нитью через всю литературу Группы «О. Т.», начиная с первой изданной брошюры Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» (В. Ваганян. «Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба». Журнал «Под знаменем марксизма» 1923 г., № 10, стр. 42). Что же приводит В. Ваганяна к такому утверждению? Частые повторения Плехановым в разных статьях, в разное время его излюбленной мысли о растущей политической роли русского пролетариата, о его «западничестве», о том, «что революционное движение в России может восторжествовать только как движение рабочих». Можно ли сказать, что в одной этой мысли об исторической роли пролетариата в борьбе против самодержавия содержатся все признаки, характеризующие понятие «гегемонии пролетариата». Разумеется, нет. Известно не мало случаев в истории революции, когда пролетариат играл выдающуюся и решающую роль, но, однако, гегемоном он не был. Гегемония пролета-

риата обозначает руководство пролетариата в революции другими революционными слоями. Мы знаем,—но об этом В. Ваганян умалчивает,—что Плеханов в начале 90-х годов видел только две силы, способные на борьбу с самодержавием — пролетариат и буржуазию, которые, по его утверждению, должны вести борьбу рядом. «Гегемонией пролетариата» тут еще и не пахнет. Но В. Ваганяну во что бы то ни стало нужно «доказать», что гегемония пролетариата «проходит красной нитью через всю литературу Группы «О. Т.» В своем усердии он попадает в весьма курьезное положение. В доказательство своего утверждения он ссылается на статью Плеханова «Как добиваться конституции» (беседа соц.-дем. с конституционалистом), ту самую статью, которая является наиболее ярким выражением попыток Плеханова в начале 90-х годов говорить с либеральной буржуазией о совместных действиях в борьбе с самодержавием. В этой «беседе» Плеханов старается убедить конституционалиста в том, что либеральной буржуазии нечего бояться пролетариата, так как их пути не расходятся. А без пролетариата «конституции» не добьешься. Чтобы «добиться конституции», необходимо «вовлечь рабочий класс в борьбу против абсолютизма, возбудить в нем симпатии к свободным политическим учреждениям» (Плеханов). В. Ваганян усматривает в этом заявлении Плеханова идею гегемонии пролетариата. Но не нужно, как говорят, «кончить университет», чтобы понять, что эта мысль гораздо ближе к идее гегемонии буржуазии, нежели к идее гегемонии пролетариата. Ведь приглашение «вовлечь рабочий класс в борьбу против абсолютизма» (хотя бы и через социал-демократию) обозначает предложение либеральной буржуазии и использовать пролетариат как массовую силу,—ибо «другого пути у нас нет и быть не может». Такая постановка вопроса отстоит от гегемонии пролетариата на 180 градусов.

Такого рода «методы доказательств» В. Ваганяна — это попытки с явно негодными средствами, ибо впервые вопрос о гегемонии пролетариата в революции четко был поставлен Лениным в его «Что такое друзья народа» и развит в его брошюре «Задачи русских соц.-демократов». Гегемония пролетариата — это краеугольный камень ленинской концепции русской революции, резко расходившейся, как мы на этом останавливались выше, с линией Плеханова. Четко ставит вопрос Плеханов о гегемонии пролетариата, как правильно отмечает В. Ваганян, в старой «Искре». Но кто же не знает, что в этот период основатели Группы «О. Т.» находились под сильнейшим влиянием Ленина.

Такой поворот основателей Группы «О. Т.» означал победу ленинизма в русской социал-демократии. Но кто же не знает также, что Плеханов-меньшевик отвернулся от идеи гегемонии пролетариата в первую революцию 1905—1907 гг. и продолжал идти своими старыми путями. В. Ваганян знает это «слабое место» своего «героя», но он, во что бы то ни стало, хочет его «реабилитировать». Он очень осторожно, «деликатно» пишет об этом «неприятном инциденте» из жизни своего «героя». «Два направления социал-демократии,— пишет В. Ваганян,—пытались конкретизировать одну и ту же идею, высказанную в эпоху, когда не было разногласий между ними,—только внимательный разбор попыток, т.-е. тактик этих двух направлений в революции, дает возможность судить о том, кому лучше удалось или, еще яснее, кто действительно реализовал идею гегемонии пролетариата, а чья деятельность коренным образом мешала конкретизации ее» («Под знаменем марксизма» 1923 г., № 11—12, стр. 46)..

Но все же, несмотря на все ухищрения, В. Ваганян не может выбраться из тупика, и в конце концов он вынужден признать: «В 1905 г. единственно подлинными и последовательными защитниками идеи гегемонии пролетариата в революции были большевики» (там же). И на том спасибо!

Образец второй.

В. Ваганян пишет: «И по вопросу о крестьянстве мы от Плеханова получили много чрезвычайно ценных указаний и суждений, которые в последующем ходе революции вошли целиком в наше большевистское построение, послужили основой (подчеркнуто Ваганяном) нашего большевистского учения» (там же, стр. 67).

Итак, не Ленин, а Плеханов, оказывается, является творцом большевистского учения о крестьянстве; не Ленин, который с самого начала своей революционной деятельности разрабатывал вопрос о крестьянстве, как о союзнике пролетариата в революции, а Плеханов, занимавший беспринципную, путаную, эклектическую позицию в этом вопросе. После ряда исследований, особенно после работ тов. Сталина, можно и не вступать в полемику с В. Ваганяном, пришедшим к своим «открытиям» 10 лет тому назад. Но все же интересно остановиться на том, как пришел В. Ваганян к таким «выводам».

Известно, что в вопросе о крестьянстве Плеханов не раз менял вехи. Припомним его утверждение, что «мужичок» — это «антипод» рабочего. В дальнейшем у него было много вариантов во взглядах на крестьянство, в зависимости от обстоятельств. Но всегда для Плеханова крестьянство было

«таинственной стихией». Оно было и опорой самодержавия; при известных обстоятельствах оно могло быть способно и к революционному восстанию; но оно же могло быть и опорой контрреволюционного движения, бонапартизма. Все эти возможности Плеханов допускал и призывал социал-демократию быть готовой к этим возможностям. Конечно, ему больше улыбалась перспектива революционной активности крестьянства, и он призывал не раз социал-демократию вести среди него революционную агитацию. При желании можно, разумеется, найти у Плеханова не мало статей (особенно «искровского» периода), в которых он придает большое революционное значение крестьянскому движению. Для своих выводов В. Ваганян широко воспользовался подобными цитатами. Но это еще далеко до большевистского, ленинского учения о крестьянстве. Самого главного, что отличает ленинское учение о крестьянстве, — отношения к основной массе крестьянства, как к союзнику пролетариата, без которого невозможно довести до конца буржуазно-демократическую революцию и которое, в лице его средних и бедных слоев, может поддерживать пролетариат в его дальнейшей борьбе за пролетарскую революцию, — у Плеханова нет ни грана.

Только «влюбленностью» Ваганяна в своего «героя» можно объяснить его легковесные выводы.

Образец третий.

В. Ваганян пишет: «...Он, последовательно работая над организацией (подчеркнуто Ваганяном) политической борьбы, выработал стройную организационную систему централизованной, строго дисциплинированной классовой партии, которая одна и могла и смогла вести успешную борьбу с самодержавием, быть гегемоном в буржуазной революции и продолжить далее борьбу за «конечные цели» («Под знаменем марксизма» 1923 г., № 10, стр. 48).

Читатель, несомненно, подумает, что Ваганян имеет в виду Ленина. Ничуть не бывало. Оказывается, что роль основателя большевистской партии, партии, подготовившей пролетарскую революцию, Ваганян приписывает Плеханову. Слабостью рук необычайной Ваганян скрыл, что организационные принципы партии нового типа развил Ленин в «Искре» и в «Что делать?», что эти ленинские принципы встретили нападк и со стороны Плеханова — обвинения в бланкизме, в народовольчестве и других смертных грехах. Разумеется, у Ваганяна, как и во всех его статьях о Плеханове, есть полправды. Не приходится оспаривать, что Плеханов боролся за «централизованную», «дисциплинированную» партию, — что, конечно, не трудно

доказать рядом цитат из его статей. Но это еще далеко от той большевистской партии, за которую боролся и которую построил в борьбе с меньшевиками и Плехановым Ленин.

Мы так долго остановились на «исследованиях» В. Ваганяна, чтобы показать образцы «мифотворчества» «школы Рязанова» о «большевизме» Плеханова и Группы «О. Т.». К сожалению, против этих легенд в нашей исторической литературе не ведется достаточно глубокой борьбы, а в большинстве наших учебников истории ВКП(б) меньшевистские корни Гр. «О. Т.» недостаточно глубоко вскрыты.

Необходимо остановиться еще на различии взглядов Группы «О. Т.» и Ленина на место русской социал-демократии в международном социалистическом движении. С самого своего возникновения II Интернационал привык смотреть на русскую социал-демократию, как на некоторый незначительный придаток к европейскому социалистическому движению — придаток, с которым можно было серьезно не считаться. И на самом деле, к такому отношению II Интернационала были как будто довольно веские основания: по сравнению с европейскими социал-демократическими партиями, пользовавшимися всеми «благами» парламентаризма и демократии, начинавшими играть влиятельную роль в политической жизни, обнаруживавшими быстрый рост своих партийных и профсоюзных организаций, — русская социал-демократия, только что возникшая, организационно слабая, работавшая в царском подполье, казалась «просвещенным» европейцам *quantité negligible*. Международное значение русской с.-д. определялось отведенной ей II Интернационалом задачей свергнуть царизм, этого «международного жан-дарма», мешавшего развитию европейской «демократии».

Лидеры Гр. «О. Т.», бывшие в близких отношениях с «тузами» европейских социалистических партий, не только не боролись во II Инт-ле с этими взглядами, не только не выдвигали самостоятельных задач русской с.-д., но поддерживали эти взгляды и тем закрепили за русской с.-д. во II Инт-ле положение «бедного родственника», трепещущего перед силой и влиянием своих «богатых» покровителей. Долгое время русская с.-д. была привеском германской с.-д. во II Инт-ле.

Большевизм и здесь произвел переворот в привычных представлениях, господствовавших, с легкой руки Группы «О. Т.», в кругах II Инт-ла. В 1902 г. Ленин, глубоко понявший ход русской революции, поставил иные международные задачи перед русской с.-д. «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является

наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания» (Ленин, т. IV, 382).

Как известно, пророчество Ленина сбылось: русский пролетариат стал авангардом международного революционного пролетариата. Но по тому времени это была смелая «дерзкая» мысль, шедшая вразрез с привычными представлениями II Интер-ла и основателей Гр. «О. Т.». Ленинизм вывел русский пролетариат и его авангард, революционную с.-д., на широкую международную арену и сделал их влиятельным фактором международного рабочего движения. Наконец, после долгого молчания, русская с.-д. заговорил полным голосом, своим языком.

Ленинизм достиг этого, вобравши в себя все элементы революционного марксизма своих предшественников — основателей Гр. «О. Т.» — и преодолевши их оппортунистические тенденции. Ленинизм пошел к цели, намеченной основоположниками русской с.-д., своим собственным путем, освещенным мощным прожектором освобожденного от оппортунистических наслоений революционного учения Маркса.

Оплодотворивши подлинный действенный марксизм опытом классовой борьбы и революционного движения международного пролетариата эпохи империализма, Ленин поднял марксизм до высочайших вершин, откуда перед взором пролетариата и трудящихся всего мира развернулась грандиозная панорама поля недалеких решающих битв против капитализма за полное свое освобождение.

Под знаменем ленинизма собрались на всем земном шару миллионы пролетариев и трудящихся и под руководством Коммунистического Интернационала и его вождя, гениального ученика и продолжателя дела Ленина, т. Сталина, готовы вступить с своими угнетателями в «последний и решительный бой».

Не может быть сомнения, что ленинизм, победивший в одной шестой части земного шара, приведет мировой пролетариат к полной победе на остальной его части.